

Регина
Майснер

*Этот замок
хранит больше
тайн, чем можно
представить...*

КАК
СОБЛАЗНИТЬ
ГОЛДУНА

Trendbooks

Регина Майснер

Как соблазнить колдуна

«Издательство CLEVER»

Майснер Р.

Как соблазнить колдуна / Р. Майснер — «Издательство
CLEVER», — (Trendbooks)

ISBN 978-5-00-252793-9

Лиора готова пойти на все, чтобы спасти близких. Даже стать невестой колдуна, изгнанного навеки. Очутившись в мрачном замке на вершине скалы, она обнаруживает себя в сердце угасающего магического мира. Здесь в каминах ворчат домовые, демоны пепла прячутся в тенях, а волосы будущей хозяйке заплетают феи. Ее жених Яро – последний хранитель магии. Говорят, его прошлые невесты бесследно исчезали. Но с каждым днем Лиора все отчетливее понимает: тот, кого она считала монстром, на самом деле такой же пленник, как и она сама. Осмелится ли девушка разделить с ним вечность?

ISBN 978-5-00-252793-9

© Майснер Р.
© Издательство CLEVER

Содержание

Плейлист	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Регина Майснер

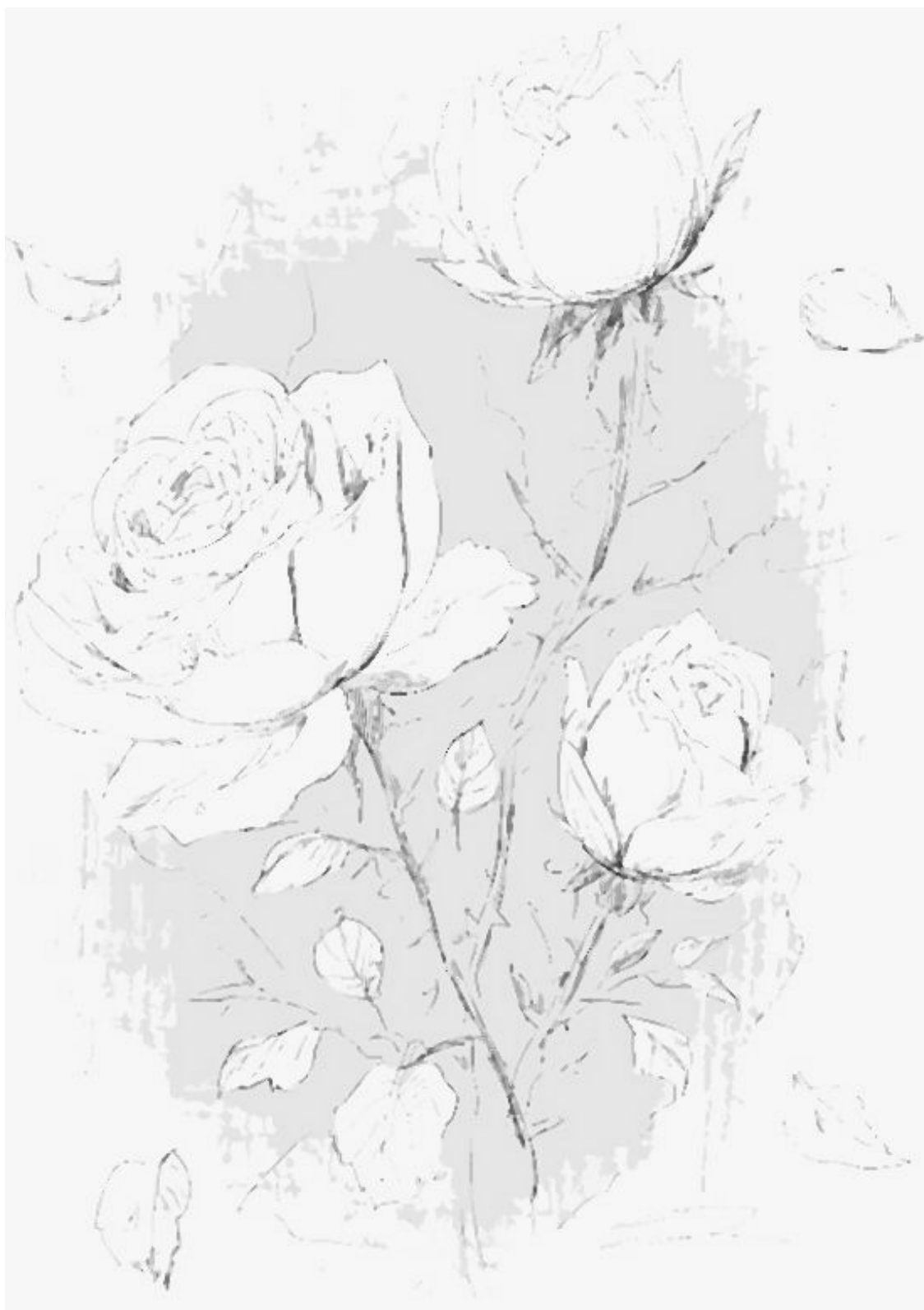
Как соблазнить колдуна

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2026

*Посвящается Мэри.
За все скелеты в наших шкафах, Пеннивайза, темные ночи в
комнате страха и того парня из Five Guys.
Люблю тебя всей душой*

Плейлист

Vance Joy – «Fire and the Flood»
Ruelle – «War of Hearts»
Klery, Valerie Broussard – «Start a War»
Pim Stones – «We have it all»
Sam Tinnesz – «Far From Home (The Raven)»
Maia Hirasawa – «Here in Your Arms»
Saint Mesa – «Sunlit Grave»
Eric Kinny, Danica Dora – «Last Goodbye»
Lord Huron – «The Night we Met»
Digital Dragons – «In Flames»
SVRCINA – «Meet Me on the Battlefield»
UNSECRET, Ruelle – «Revolution»
Ethan Hodges – «Don't watch me cry»
Michael Schulte – «Falling Apart»
Tomme Profitt, Sam Tinnesz – «Heart of the Darkness»
Haley Joelle – «Memory Lane»
Sleep Token – «Atlantic»

Глава 1

Дождь и крысы

Я встречала смерть так часто, что в конце концов перестала ее бояться. По-настоящему страшно – увидеть, как она смотрит в глаза. Так было с моим первым мертвецом. Стоило обшарить его карманы в поисках денег или чего-нибудь съедобного, как бледное и, казалось, навсегда обездвиженное тело зашевелилось и открыло глаза. Все еще чувствую, как на шее сжимаются костлявые пальцы, как они стискивают горло, как становится труднее дышать...

Я прогнала воспоминания прочь и плотно сжала зубы. Это случилось больше года назад, все давно позади. Тем более сейчас я стою на коленях перед человеком, который уж точно мертв. Глаза устремлены в разразившееся проливным дождем небо, тело холодное и неподвижное. Бледная кожа покрыта уродливым узором трупных пятен.

Действовать нужно быстро, иначе меня опередят. С тревогой я оглянулась через плечо, а затем вцепилась в пуговицы, стараясь как можно быстрее расстегнуть рубашку мертвеца. Осмотрела оголенный торс: дорожка из тонких волос, больше напоминающих пушок, тянулась по впалому животу, ребра просвечивали. Такой же голодающий, как и все мы.

Я быстро обыскала карманы и грязный матерчатый мешок, который все еще сжимали неподвижные руки, надеясь найти чем поживиться. Тихо зарычала себе под нос: самое ценное, что было у мертвеца, – грязь под ногтями. Глубоко вдохнула, оттолкнула труп и встала.

Дождь лил такой сильный, что я едва видела дорогу перед собой. Я кое-как убрала длинные мокрые пряди с лица и собрала их в небрежную косу на затылке. От холода зуб на зуб не попадал. Я торопливо шла по пустынным улицам, время от времени перебираясь через стены полуразрушенных домов, и пряталась под мостом, когда начинался град.

Трижды глубоко вздохнув, я пыталась успокоиться. Голова закружилась от трупного запаха. Задерживаться нельзя, нужно идти дальше, иначе шансов найти что-нибудь съедобное не останется. Пока же в моей кожаной сумке-мешке лежало всего несколько подпортившихся ягод. Да, этого я и боялась – улов и правда довольно скудный. «Не сдавайся!»

Я вышла из-под моста и, крадучись по переулкам, добралась до главной улицы. В воздухе витал запах смерти и нищеты, который за последние два года стал таким привычным, что я не обратила на него внимания.

Издалека слышались чьи-то крики. Выше по улице, у фонтана, спорили двое мужчин. Затем к ним присоединился третий, и завязалась драка. Я поспешила вперед, стараясь не обращать внимания на женщин-попрошаек, которые сидели по обеим сторонам улицы, прижимая

к себе младенцев. Помочь им мне было нечем. В Криндоне некому похвастаться излишками еды или денег. Здесь не найти человека, которому было бы чем поделиться с другими. Нашему королю плевать на своих подданных. Кто-кто, а этот обитатель дворца как из сказки уж точно может не думать о нищете и разрухе.

В лицо снова полетели градины, и я опустила голову. Стараясь держаться в стороне от людей, чтобы не привлекать к себе внимания, я не сразу заметила несущегося на большой скорости всадника и увернулась в последний момент.

– Эй, смотри, куда идешь! – крикнул он мне в спину, хотя я была уже далеко впереди, мчавшись мимо опустевших зданий, в которых когда-то были магазины, квартиры или рестораны.

В конце концов я остановилась у пекарни – запах свежеепеченного хлеба одурманил меня. Не успев понять, что именно привлекло мое внимание, я вздохнула и прильнула к стеклу. На витрине я увидела четыре пухлые буханки хлеба, одна аппетитнее другой. Слева от них лежали булочки и три куска торта.

Я и не помнила, когда в последний раз ела торт. Руки сами собой сжались в кулаки, пока я наблюдала за женщиной в туфлях на высоком каблуке, в боа и шляпе. Ее корзина была доверху наполнена продуктами. Наверняка эта женщина не из Криндона: щеки слишком пухлые, а взгляд зеленых глаз очень живой. Она вышла из пекарни с довольной улыбкой на лице. Я вздрогнула, внезапно услышав, как зазвенел колокольчик над дверью, а дама бросила на меня холодный взгляд. Понятно, о чем она думала: «Лишь бы никогда не оказаться на ее месте». Едва ли я похожа на девушку двадцати двух лет.

Женщина прошла мимо. Нужно забыть о ней. Развернуться и уйти прочь. Но запах свежего хлеба буквально сводил с ума. Я шла за женщиной через Криндон, прикидывая шансы. Она была значительно старше меня: на вид ей было больше сорока. Сиреневое платье плотно облегалo ее бедра, и поэтому женщина шла медленно. Одно неловкое движение – и шляпа моментально слетела бы с ее головы.

Что-то подсказывало мне, что женщине ни разу не приходилось бороться за еду. Война ничего у нее не отняла, а она, вероятно, и не осознавала этого. К тому же дама была одна, а значит, у меня было преимущество. У меня и у десятка других таких же голодающих.

Я неосознанно ускорила шаг, продолжая красться за женщиной, которая теперь шла в сторону рыночной площади. Вот бы затащить ее в переулок! Хотя, возможно, это и не понадобится. Мимо промчался экипаж, и женщина свернула направо, скрывшись за стеной дома. Бросившись вперед, я добралась до балюстрады, за которой она встала, и вырвала корзину у нее из рук. Женщина посмотрела на меня, явно сбитая с толку. Я прекрасно знала, что ей понадобится несколько секунд, чтобы понять, что происходит. Это драгоценное время я и использовала, чтобы убежать.

Пара мгновений – и уже не слышно ее крика, а ее глухие шаги слились с шумом дождя. Я скорее прыгала, чем бежала по тому переулку, дальше, на восток, из Криндона, пока не добралась до укромного места. Много раз я пряталась сама и прятала свою добычу здесь, на кукурузном поле. Мышцы напряглись, адреналин толкал меня все дальше и дальше вперед, пока я наконец не оказалась на месте. Только вот я была там не одна. Еще трое. Я увидела их, и меня бросило в дрожь, они тут же обступили меня. Я стояла, беспомощно прижав к себе хлеб.

– Убирайтесь! – прошипела я незнакомцам. – Для вас у меня ничего нет!

Куда бы я ни повернулась, везде был кто-то из этих жутких типов. Парни были на вид не старше меня, но от них исходила какая-то нечеловеческая угроза. По коже пробежали мурашки. У меня появилось дурное предчувствие.

– Отпустите! – крикнула я, пытаюсь прорваться сквозь стену дождя и окончательно решив не показывать свой страх.

– Что это у тебя там? – Ко мне широкими шагами подошел самый крупный из них, с усами и лысиной.

В последний момент я обернулась и тут же столкнулась лицом к лицу с еще одним. Я молча смотрела на него, сдерживаясь, чтобы не закричать от ужаса, увидев шрам у него на щеке. И тут со спины подошел третий и схватил меня так крепко, что перехватило дыхание. Привычными, явно отработанными движениями он разомкнул мои пальцы, и хлеб упал на землю. Не успела я наклониться за добычей, как тот, что со шрамом, уже оторвал и отправил себе в рот кусок теплого мякиша.

– Спасибо за ужин, дорогая, – с насмешкой сказал он, обнажив черные зубы.

Я же извивалась из последних сил, чтобы вырваться из неприятных объятий.

– Где ты это взяла? – вдруг прошептал мне на ухо тот, что держал меня.

– Не смей меня трогать! – взревела я и с размаху лягнула его ногой, попав точно по его достоинству.

Он закричал, будто маленький ребенок, и скорчился от боли, упав на землю. Воспользовавшись моментом, я ударила бородатого локтем в глаз, а его приятелю в лицо прилетел мой кулак. У меня не было времени подобрать хлеб. Я встречала таких парней и прекрасно понимала, что по доброй воле они меня не отпустят.

Град все усиливался, а я бежала прочь от кукурузного поля обратно в город. Колени едва не подкашивались от перенапряжения. Остановиться было бы не лучшим решением, и я из последних сил поплелась дальше, вновь пересекая рыночную площадь, где, конечно, давно уже не было никакой состоятельной дамы. Свернула в узкий переулок, чтобы перевести дух. Надо мной на веревках висело грязное белье. Я обратила внимание на пожелтевший плакат на стене дома прямо передо мной, с карикатурой на колдуна. «Любое проявление магии карается смертной казнью», – гласила надпись на плакате большими красными буквами. По спине пробежали мурашки.

Я медленно опустилась на сырую от дождя землю. Пытаясь защититься, обхватила себя руками. Было очень холодно, и я понятия не имела, как пережить зиму. Руки потянулись к пустому кожаному мешочку, висевшему у меня на бедре. Выходит, я больше часа безрезультатно слонялась по городу в поисках съестного. Я почувствовала, как буквально закипаю от гнева. Вместе с ним пришло и сожаление: вспомнила о Кайде и Тиане, которым сегодня снова пришлось ложиться спать без ужина, потому что сестра не в состоянии о них позаботиться.

Слезы текли по щекам. Как же сильно я ненавидела себя за слабость! Всхлипывая, я прижала подбородок к шее. В этот момент солнечный луч пробился сквозь облачную завесу. Град кончился, теперь лишь слегка моросил дождь. Когда вышло солнце, обзор стал лучше. Между фасадами домов на возвышенности где-то на горизонте я увидела замок, который можно было заметить с любой улицы в Криндоне. В замке жил в изгнании старый колдун.

Раздавшийся писк вернул меня из грез. Я торопливо покрутила головой и заметила в луже у трубы полумертвую крысу. У нее не было уха, а через все тело тянулась уродливая коричневая полоса. Я пыталась гнать прочь мысль, которая завладела моим сознанием. Но голод – коварный враг. Чем дольше он держит тебя в своих костлявых тисках, тем больше власти над тобой обретает.

Передо мной сидела крыса. Дома ждала голодная семья. Я подняла правую ногу и врезала сапогом животному по голове. Дважды с силой наступила на крысу и услышала хруст костей. Когда убрала ногу, она все еще дергалась, но спустя несколько мгновений окончательно замерла. Я взяла ее за хвост тонкими худыми пальцами и отправила в сумку. Никто – ни человек, ни существо, владеющее магией, – не должен оказаться в ситуации, когда приходится есть крыс. Но сейчас не время выбирать.

По дороге домой глаза слепило солнце. Последние две недели я не видела ни единого солнечного луча. Я скинула капюшон и взъерошила мокрые волосы. При каждом шаге о бедро

билась кожаная сумка. Раньше мысль о том, что внутри крыса, потрясла бы меня. Но сейчас я была слишком вымотана.

Из-за дождя стало скользко, и мне приходилось выбирать дорогу, куда поставить ногу. До дома было совсем недалеко, но мне казалось, будто я отсутствовала целую вечность. Добравшись до небольшого полуразвалившегося домишки, я почувствовала небольшое облегчение. Окаменевшими пальцами вытаскала ключ из кармана пальто. Скрипнув, дверь распахнулась, и в нос ударил запах дома, тепла, семьи и безопасности, к которому примешивались запахи спиртного и болезни. Тихо закрыв за собой дверь, я повесила пальто на гвоздь и выскользнула из насквозь промокших сапог.

– Лиора? – Из дверного проема показалась голова Кайды.

Радуюсь моему приходу, она подбежала обниматься. Я присела на корточки и зарылась носом в ее рыжие волосы.

– Ты мне что-нибудь принесла?

– Кое-что найдется.

Сестра смотрела на меня с надеждой, и от этого становилось тяжелее на душе.

– Как там Тиан?

Улыбка тут же исчезла с ее лица.

– Он плохо спал, потом больше не приходил в себя. У него горячий лоб.

Я крепче прижала к себе Кайду, а затем прошла в скудно обставленную спальню сестренки и брата. Мышцы сами собой напряглись, когда я посмотрела на кушетку, где среди одеял и подушек лежал Тиан. Это была самая теплая и единственная в доме комната, которая не пострадала от дождя, но брат все равно постоянно мерз.

Я тихонько подошла поближе. Было бы хорошо, чтобы он спал, ведь во сне он не чувствовал боли. И я могла бы и дальше убеждать себя, что брат поправится. Я опустила на колени и откинула в сторону край одеяла, чтобы коснуться его лба. Температура все еще держалась: Тиан мучился уже три недели. Денег на лекарства не было, лечение магией каралось смертной казнью, а врач редко приезжал в Криндон, и мы не знали, что делать дальше.

Я провела рукой по тонким волосам брата, и у меня сжалось сердце. Тиан открыл глаза. Его взгляд, поначалу совершенно растерянный, наконец остановился на моем лице.

– Тиан, – прошептала я и поцеловала его в лоб. – Как ты?

Кайда подошла к нам и схватила меня за руку. Брат смотрел на меня еще пару секунд, а затем снова закрыл глаза. Я поправила одеяло.

– Он же поправится, да? – как обычно, спросила Кайда.

Было тяжело лгать сестре, но еще тяжелее было бы сказать правду, с которой она наверняка не справилась бы в свои двенадцать лет.

– Конечно, поправится. Ему просто нужно немного отдохнуть, – сжала я ее руку, собираясь идти на кухню. – Я приготовлю ужин.

Кайда тихо пошла за мной.

– Спасибо, что присматриваешь за братом. Ты молодец.

Сестренка смотрела на меня сияющими глазами, и этот взгляд пронзил меня насквозь. Я поклялась себе, что обеспечу ей хорошую жизнь, в которой Кайда не будет ни в чем нуждаться, а не ту, в которой на ужин приходится есть жареную крысу.

– Уроки сделала? – спросила я сестру, садясь на хлипкий табурет.

Она скрестила руки на груди, показывая, что ей скучно об этом говорить:

– Давно уже. Мы все еще читаем «Маджестикус».

Повернувшись к Кайде спиной, чтобы она не видела, что я достаю, вытаскала из сумки мокрую мертвую крысу. Я наспех ополоснула ее в ведре, которое мы поставили, чтобы собирать дождевую воду, а затем одним движением отрубила голову. Готовить животное, которое лучше

не есть, мне было не впервой. Правда, сколько бы я ни добавляла приправ и как бы мелко ни нарезала мясо, гниlostный, напоминающий рыбный привкус никуда не исчезал.

Резким движением я сняла с крысы шкуру. Разогрела на сковороде последние остатки масла и бросила туда мясо. Оно тут же многообещающе зашипело.

– Мне нужен новый карандаш. – Кайда подошла ближе так незаметно, что я вздрогнула, услышав ее голос, и поспешила убрать то, что осталось от крысы, обратно в сумку.

– Ханья ведь недавно выдала тебе новый.

– Да, его хватило ровно на неделю. В школе больше не выдают, сильно экономят.

– Смотрела у папы? – вздохнула я. – В ящике в гостиной.

– Там давно уже нет никаких карандашей. – Кайда провела рукой по рыжему локону. Ее волосы напоминали языки пламени при определенной игре света. – Кстати, что это? – спросила сестра, критически осматривая мясо на сковороде.

– Рыба, – пробормотала я, хватая вилку, чтобы перемешать кусочки. – Один лавочник согласился продать за полцены.

– Понятно почему, – поморщилась Кайда, учуяв неприятный запах. – С таким ужином голод пройдет сам собой.

Сестра собралась отойти, но я схватила ее за плечо. Она становилась все хуже и хуже.

– Что ты сегодня ела, Кайда?

– В школе давали персики, – ответила она, не глядя мне в глаза. – Не очень свежие, но все равно лучше, чем ничего.

– А еще?

Кайда прикусила губу.

– А что ела ты? – задала она встречный вопрос.

Я тоже не хотела отвечать, поэтому мы просто стояли и молчали.

* * *

С трудом я скормила Тиану пару ложек супа. Даже когда брат приходил в себя, все равно казалось, что он не здесь: взгляд затуманенный, глаза мутные, почти бесцветные. Беспомощность сводила меня с ума. Мы ничего не могли сделать. Лекарство, которое помогло бы Тиану, было для нас недоступно, и мы никак не могли найти никого, кто владел бы магией и взялся бы за лечение.

– Ты делала ему компрессы на ноги? – спросила я сестру, которая сосредоточенно жевала кусочек крысиного мяса.

– Как ты и сказала. Но я не думаю, что это поможет. Неужели Риека не может осмотреть его еще раз?

– Я ее попрошу.

Я вылила последнюю ложку супа в тарелку Кайде. На самом деле это была едва теплая вода. В одном из кухонных шкафчиков я обнаружила остатки лука-поррея. Соль закончилась несколько дней назад, зато нашелся засохший хлеб, из которого мне пришлось вырезать кусочки с плесенью. Кайда размачивала его в супе.

– Ты не хочешь есть? – спросила сестра, глядя на мою пустую тарелку.

– Перекусила по дороге на рынок. Я не голодная, – замахала я руками, отказываясь.

Последнюю фразу можно было и не говорить: Кайда моментально поняла, что я лгу, но промолчала. Она пододвинулась ближе к столу вместе со стулом, и я заметила, что ее ноги касаются пола. Когда она успела так вырасти? И как давно мы уже едим за таким пустым столом? На меня нахлынули воспоминания о давно минувших днях, но я тут же прогнала их прочь. Некоторые двери лучше держать закрытыми.

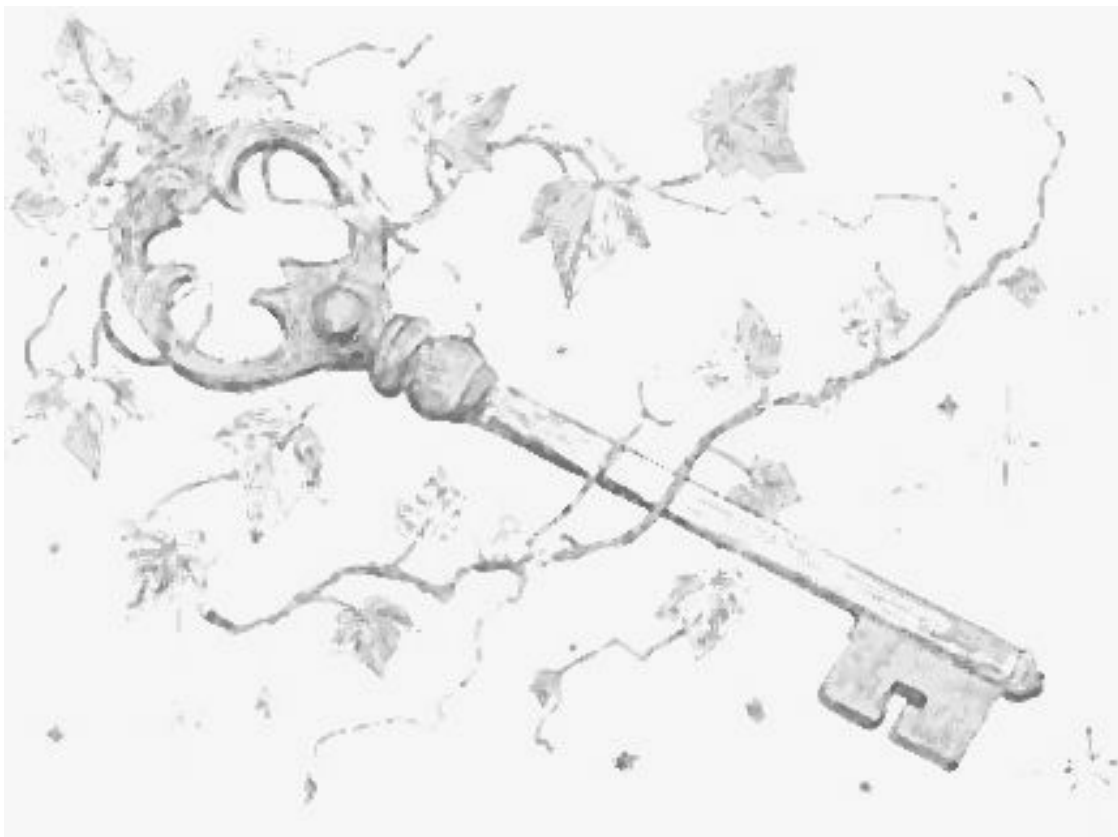
– Карандаш, – вдруг вспомнила я. – Пойду посмотрю у мамы в комнате.

- Если что, попрошу у Лони.
- Тебе что-нибудь еще нужно?

Кайда покачала головой, и я, опасаясь продолжать расспросы, просто кивнула. Когда она встала из-за стола и поставила тарелку в буфет, я заметила, как свободно на ней сидит серое платье.

- Ты же считаешь нам на ночь?

Я рассеянно кивнула. Сначала нужно еще кое с чем разобраться.

Глава 2

Алкоголь и плесень

Стучаться я не стала – он не ответил бы. Ему было все равно, один он в комнате или с кем-то. Я резко толкнула дверь, и в ноздри ударил запах спирта. Он давно уже вьелся в стены нашего дома. По пути к дивану я подобрала три пустые бутылки и две грязные салфетки. Затем остановилась перед телом, лежавшим наполовину на зеленых подушках, наполовину – на полу.

– Пришло письмо? – спросила я, сомневаясь, что меня вообще слышат.

Отец все-таки открыл глаза. Он отрыгнул и одним размашистым движением руки вытер то, что покинуло рот.

– Лиора.

– Письмо пришло? – тут же повторила я. – От Алева?

– Который час? – зевнул он.

– Уже поздно. Ты опять проспал целый день, – ответила я, изо всех сил стараясь не сорваться на крик.

Я подошла ближе, прижимая к себе пустые бутылки. Рубашка на отце была неправильно застегнута, у воротника красовалось пятно, брюки оказались чуть приспущены, и я увидела полоску бледной кожи на животе.

– Письмо пришло? – спросила я в третий раз, теперь уже более уверенно.

Отец выпрямился, издав стон. Когда-то ухоженные и коротко стриженные черные волосы теперь торчали во все стороны.

– Я не ходил на почту, – сказал он.

– А что насчет денег?

– Каких еще денег? – нахмурился он, не понимая, о чем я.

– Ты пообещал давать деньги на Кайду и Тиана. Тиан серьезно болен, если мы ничего не будем делать, он умрет.

Он ничего не ответил – только удивленно посмотрел на меня. В такие моменты я окончательно убеждалась, что алкоголь разрушил последние функционирующие клетки его мозга.

– Нет у меня денег, – едва ворочая языком, промямлил отец.

Это я и так прекрасно знала. Все пособия, которые он получал как пострадавший на войне, отец тут же спускал на покупку очередной бутылки. Но я все равно каждый раз спрашивала его о деньгах.

– Сегодня на ужин у Кайды и Тиана было крысиное мясо, – сообщила я. – Нам не хватает даже денег на хлеб. – Я опустилась на колени, чтобы отцу было сложно прятать глаза. – Если

Алев не придет, у нас совсем ничего не останется. У тебя двое детей, которых ты должен кормить. Как ты собрался это делать?

Напоминать отцу о его прямых обязанностях – все равно что учить крысу танцевать. Он смотрел на меня с открытым ртом, с подбородка у него капала слюна.

– Там что-нибудь осталось? – спросил он, указывая своими колбасными пальцами на бутылки у меня в руках.

Больше всего мне хотелось разбить одну из них о его голову. Когда-то я и подумать не могла, что буду представлять, как убиваю собственного отца. Теперь подобные фантазии – моя рутина. Много было бы проще, если бы его не было. Если бы на войне он лишился не только правой ноги, но и жизни.

Конечно, я могла бы сказать ему, что ненавижу и стыжусь его. Что я предпочла бы вовсе не иметь отца, чем иметь такого, как он. Но ему все эти обвинения нипочем, а я только сильнее раздражаюсь.

– Прибрался бы тут, – бросила я, прежде чем выйти из комнаты с пивными бутылками в руках.

За мной с грохотом захлопнулась дверь. Я натянула все еще мокрые сапоги и выбросила бутылки в контейнер перед домом. Сборщики мусора не появлялись уже несколько недель. Видимо, поняли, что Криндон – синоним слова «позор».

Почтовый ящик был на удивление пуст. На календаре уже одиннадцатое ноября, и вот уже несколько дней я жду весточки от Алева. Там должно было быть всего несколько монет, которые тем не менее были нам очень нужны. Отправлять деньги – большой риск, они далеко не всегда доходили до нас. Но Алев работал в Олдере, что в нескольких днях пути от Криндона, поэтому не мог передать деньги лично.

В бочке с дождевой водой, стоявшей рядом с водосточным желобом, плавала мертвая птица. Ее широко раскрытые неподвижные глаза смотрели в небо. На мгновение я остановилась, растерянно глядя на птицу. Затем, сгорбившись, вернулась в дом и закрыла за собой дверь. Я вышла буквально на несколько минут, но волосы уже успели намочить под дождем. Хотела бы я сейчас помыться, но теплая вода теперь казалась чем-то фантастическим, как и чистая одежда. Я с отвращением понюхала рукав своего платья. Уже и не вспомнить, когда я в последний раз его стирала.

– Он похищает и убивает девушек, чтобы стать бессмертным, – донесся из спальни голос Кайды. – Ему уже сотни лет, но он хочет жить вечно. – Тут она жутко захохотала, притворяясь колдуном. – Тот, что живет в замке на холме, не просто герой сказок. Он настоящий. После войны его изгнали из города, но он продолжает сеять страх. Одни думают, что это он виноват в ужасах в Арвендоме. Другие считают...

Я мгновенно пересекла коридор и толкнула дверь спальни. Кайда, сидевшая на табуретке, вздрогнула и выронила из рук книгу. Тиан сидел на постели. Взгляд у него был все такой же затуманенный, так что было неясно, пришел ли он в себя.

– Обязательно было пугать меня? – сердито посмотрела на меня Кайда и потянулась за книгой.

– Кайда! Ты же знаешь, нельзя говорить о магии! Никогда.

Теперь даже у стен появились уши.

– Да никто нас не услышит, – закатила глаза сестра. – Ты же знаешь, я обожаю легенды о колдуне. А если ты не считаешь нам сказку... – В ее зеленых глазах промелькнул недобрый огонек.

– Что это вообще за книга? – Я опустилась на колени рядом с Кайдой на облезлый ковер, который мы по дешевке купили на распродаже и который пах так, будто в нем перевозили труп.

– Ханья подарила.

– Ханья? – Я взяла у сестры из рук книгу в черном кожаном переплете. – Она лучше всех должна знать, как это опасно. От книги нужно срочно избавиться.

Я с содроганием вспомнила день окончания войны, когда в знак победы сожгли все книги о магии, магах и колдунах.

– Ханья приходила?

– Да, вчера.

– Почему ты не рассказала?

– Нечего рассказывать. Она просидела у нас где-то час, накричала на папу, дала мне эту книгу и два грецких ореха. Уж прости, что не поделилась с тобой этим знаменательным событием.

– Эй, не наглей! – Я похлопала сестру по плечу свободной рукой, а затем открыла книгу.

На обложке не было названия, внутри – содержания. Пальцы заныли, как всегда, когда я прикасалась к чему-то запретному. Да, признаюсь, магия всегда меня притягивала, но я прекрасно понимала, насколько она может быть опасной и разрушительной.

– Зачем Ханья дала тебе эту книгу? Еще втянет нас в неприятности. Нужно срочно от нее избавиться! – Я посмотрела в сторону камина, но Кайда схватила меня за руку.

– Успокойся. Это же просто книга. Обычный сборник легенд. – Сестра попыталась вырвать книгу у меня из рук, но я держала ее крепко.

– «Колдун на горе», – прочитала я один из заголовков, напечатанных жирными черными буквами. – Мы дали слово, что больше никогда не будем иметь дела с магией!

Кайда демонстративно выпятила нижнюю губу.

– Знаешь, зачем писали такие истории? Чтобы запугивать народ. Дать людям очередной повод для страха. Но магия больше не причиняет столько бед, как раньше. Нам больше нечего бояться.

Я собиралась захлопнуть книгу, но Кайда перевернула страницу. Мы увидели черно-белое изображение колдуна, которое занимало добрых три четверти страницы. Он недовольно смотрел на меня. На голове у него красовалась остроконечная шляпа, украшенная паутиной. Длинные черные волосы спадали на плечи, а кожа напоминала жевательную резинку, которую жевали слишком долго. На плече сидел черный ворон. При взгляде на птицу мне стало не по себе.

– Здесь написано, что ему несколько сотен лет. После войны его сослали в замок и запретили его покидать. Он один из немногих колдунов, переживших войну. Как думаешь, чем он занимается в замке целый день?

– Ах, Кайда. – Я притянула к себе сестру. – Не стоит копать так глубоко. Эпоха четвертого колдуна закончилась, наконец-то у нас снова король – человек. – *Которому до нас нет никакого дела.* – Магия – зло, от которого лучше держаться подальше.

– Знаю, – прикусила губу Кайда. – Но все-таки... Если представить... – Она выпрямилась. – Колдун из замка... Как думаешь, какой он? Что делает целый день совсем один?

Я вздохнула, но не стала ругать сестру, а затем заговорила, понизив голос:

– Такие, как он, владеют черной магией. Они во много раз сильнее обычных людей, наделенных магическими способностями. Только теперь у них больше нет над нами власти. Нужно радоваться, что мы победили в войне. Не знаю, чем он занимается в замке. Я думаю, что мне лучше не заикливаться на этой теме, как и тебе. – Я умоляюще посмотрела на Кайдю.

– Но Арвендом все еще страдает из-за него.

– Это ты тоже в книге вычитала? – нахмурилась я.

– Ханья рассказывала, – покачала головой сестра. – Сказала, он ненавидит весь мир. Как положит руки на свой хрустальный шар, увидит Арвендом, так на город сразу сыплются несчастья.

Кайда закончила свою драматическую речь и посмотрела на меня. Нужно срочно поговорить с Ханьей. Я резко захлопнула книгу. Сожгла бы при первой же возможности.

– От этих сказок никакой пользы ни тебе, ни Тиану.

Брат уже спал, прислонившись головой к стене. Обеспокоенная, я положила руку ему на лоб. Чем ближе к ночи, тем выше поднималась температура.

– Лучше расскажи брату что-нибудь приятное, – попросила я. – Или почитай ему книгу, которую вы проходили в школе.

– Но «Маджестикус» слишком скучный. Да и вряд ли он поймет, о чем книга, ему же всего семь.

«Вот бы он хоть что-нибудь понимал...»

– Что ж, – я хлопнула себя по бедрам и встала, держа книгу в руке, – уже поздно, тебе пора спать. Иначе завтра снова придется силком вытаскивать тебя из постели.

Я взъерошила сестре волосы. Я делала так, даже если она возмущалась. С каждым днем Кайда становилась старше, дистанция между нами увеличивалась, и я ничего не могла с этим поделать.

– Ладно, – развела руками сестра. Из рта у нее пахло крысиным мясом.

– Спокойной ночи. Разбуди меня, если Тиану станет хуже, – напомнила я, взяв ее за руку.

Кайда легла на брошенный на пол матрас и укрылась дырявым пледом. Тиан – единственный из нас, кто все еще спал в настоящей постели. Остальные кровати пришлось продать. Иногда я расстраивалась, вспоминая, как одну из кроватей мы обменяли на четыре яблока, но понимала, что у нас не было выбора.

Я задула одну свечу и, держа вторую в руке, вышла из комнаты. На улице стало уже совсем темно. Из комнаты отца доносился мерный храп. Что ж, уже хорошо. Он не пьет и не тратит деньги, пока спит.

Со свечой и книгой в руках я поднялась наверх. Третья и восьмая ступени лестницы сгнили. Крыша совсем прохудилась, и плесень появилась в самых неожиданных местах. Я вдруг поняла, что мы не сможем жить в этом доме долго. Дом – последнее, что у нас осталось. Потеряем его и точно окажемся на улице.

В более удачные дни я старалась не обращать внимания на плесень. В менее удачные подмечала, что не осталось ни одной комнаты, где ее бы не было. На втором этаже осталась всего одна комната, пригодная для жизни. В других было так сыро, что там невозможно было находиться. В глубине души я иногда начинала ждать, когда дом рухнет. Видимо, очень хотела похоронить под обломками отца.

Комнатка, когда-то принадлежавшая матери, казалась еще теснее, чем на самом деле, из-за низкого потолка. Кроме шкафа, тумбы и треснувшего в нескольких местах зеркала, здесь ничего не осталось. За исключением последнего предмета, напоминавшего мне о маме, – шкатулки для украшений, которую пока не успела продать. Я открыла шкаф, подвинула зеленое покрывало и достала резную шкатулку из благородной древесины с цветком на крышке – тонкая работа. Откроешь – и из шкатулки появится балерина, когда-то крутившаяся вокруг своей оси. Все еще держа шкатулку в руках, я устроилась на своей кровати, которая представляла собой дырявое одеяло и две набитые сеном подушки.

Как бы я хотела, чтобы мама была с нами. Теперь я понимала, что после ее смерти черная полоса для нашей семьи только началась. На меня вдруг нахлынула грусть: я смотрела на балерину, но видела ее – мою замечательную маму. Всю свою жизнь она была для меня загадкой.

«Обещай, что позаботишься о брате и сестре, когда меня не станет. Обещай, что никогда не забудешь, кто ты на самом деле и на что способна».

Я подтянула ноги к груди и поставила шкатулку на колени.

«Обещаю. Тиан и Кайда ни в чем не будут нуждаться».

Это не единственное обещание, которое я не выполнила, но именно из-за него было больно. Что бы ни случилось с мамой, я бы хотела, чтобы она могла мной гордиться, чтобы не пожалела, что доверила мне младших.

– Мне очень жаль, – прошептала я. – Мне бесконечно жаль.

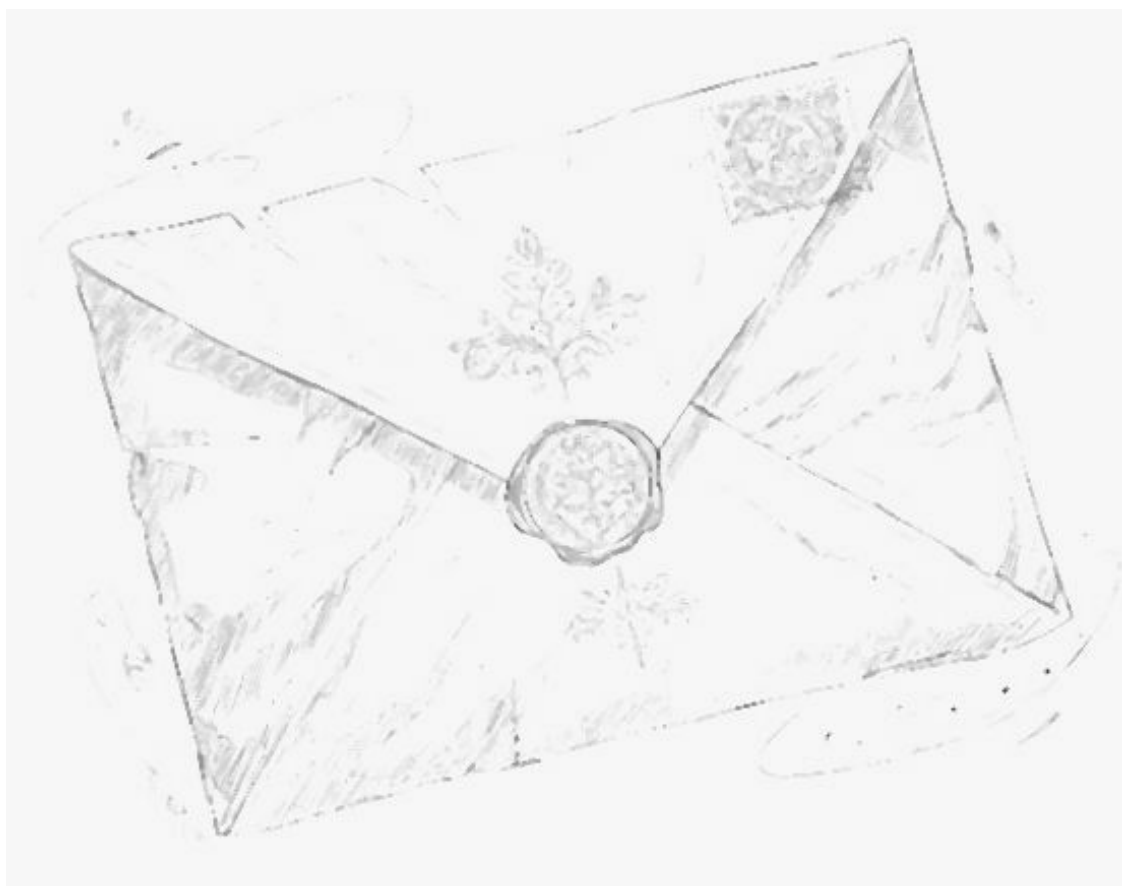
Я вернула шкатулку на место – в шкаф, под плед. Отец редко поднимался наверх, но точно продал бы ее, если бы нашел. На черном рынке наверняка можно обменять подобную вещицу на несколько бутылок пива.

Я уже собиралась лечь, когда краем глаза заметила свое отражение в зеркале. Обычно я себя не рассматривала, но сегодня захотелось посмотреть себе в глаза. Когда я успела так похудеть? Куда делись обычные для девушки округлые формы? Грудь, считай, совсем пропала. Но больше всего меня поразило не тело, а лицо. Впалые скулы, острый подбородок, пустые глаза. Я выглядела как уродливая версия самой себя. Как набросок, который не стали раскрашивать. В свои двадцать два у меня было больше седых волос, чем у бабушки в семьдесят. Стоило провести по голове, и в руке оказывался клочок волос. Зато они бесконтрольно росли в других местах.

Я никогда особенно не заботилась о внешности, но теперь мое отражение пугало. Правда, не так сильно, как фигура в сером платье, внезапно возникшая у меня за спиной. Она была – и я удивилась, что это вообще возможно, – еще бледнее, чем я. Глазницы пустые, а через все лицо и тонкие губы шел шрам.

Я видела ее не в первый раз. Чем дольше я голодала, тем ярче становились галлюцинации. В хорошие дни она исчезала, стоило мне повернуться. В плохие – начинала со мной разговаривать. Сегодня был плохой. Женщина-призрак положила руку мне на плечо, и меня охватил ледяной ужас.

– Скоро твоя жизнь изменится, – прошептала она тонким, почти писклявым голосом. – Как и всех нас, он утащит тебя в пропасть.

Глава 3

Хлеб и цветы

За ночь дождь превратил Криндон в сплошное грязевое поле, через которое нам с Кайдой пришлось пробираться. У меня насквозь промокли ноги. Чем ближе мы оказывались к центру города, тем легче становилось идти. Школа Кайды находилась недалеко от рыночной площади – уродливая серая коробка, которая во время войны была госпиталем. Помещения все еще не были нормально оборудованы для учебы: в большинстве классных комнат не было даже парт, не говоря уже о стульях. После войны здание отремонтировали лишь частично, поэтому отовсюду задували сквозняки. Стекла тоже заменили не везде, большинство окон так и остались разбитыми. И все же я была благодарна за то, что должна была приводить сюда Кайду каждое утро, за то, что ей позволили учиться. Это уже дорогого стоило.

– Хорошего дня, – пожелала я.

Рюкзак, с которым сестра ходила в школу, был для нее слишком велик.

– Подожди, – добавила я, когда Кайда уже собиралась бежать к дверям. – У меня для тебя кое-что есть.

Я неуклюже достала из кармана ягоды, которые насобирала вчера, и протянула сестре. Она смотрела на лакомство с удивлением.

– Съешь сейчас, а то кто-нибудь отберет.

Кайда запихнула ягоды в рот, и я почувствовала удовлетворение. Сестра обняла меня, а затем догнала двух девочек, которые тоже заходили в школу. В отличие от меня, она легко находила друзей. Она была очень дружелюбной, а я замкнутой и себе на уме. Там, где она говорила, я молчала и замыкалась в себе.

Я подождала, пока сестра скроется за дверью школы, и мысленно помолилась, чтобы во время обеда ей досталось что-нибудь съестное. Когда Кайде удавалось поесть в школе, мне не нужно было так сильно стараться раздобыть ужин.

– Не переживай так. Кайда – сильная девочка. Она...

Не успела Риека договорить, как я обернулась и заключила ее в объятия.

– Я так рада, что ты пришла, – пробормотала я, утыкаясь носом в ее каштановые волосы, которые пахли чистотой.

– Я же обещала.

– Кажется, я ждала тебя целую вечность.

Я указала на скамейку неподалеку от школы. Мы сели рядом, и Риека поставила на землю плетеную корзину, накрытую кухонным полотенцем.

– Выглядишь не очень, – сказала она прямо.

– Не лучший комплимент для любимой подруги, – пошутила я. – Просто не выпалась. –

И увидела призрак в зеркале.

– Да, а еще неделю почти ничего не ела? – Она всегда подмечала то, что я старалась скрыть.

– У меня все нормально, – пробормотала я, ненадолго прикрыв глаза, чтобы унять голо-
вокружение. – Просто погода так себе.

Не говоря ни слова, Риека запустила руку в корзину. Несколько секунд спустя у меня на коленях уже лежал ломтик хлеба – у меня тут же потекли слюнки. Я взяла его обеими руками, понимая, что так будет еще труднее устоять. Ощупала твердую корочку и рыхлую мякоть. Поднесла хлеб к носу, чтобы почувствовать приятный аромат. *Я. Очень. Хотела. Есть.* Медленно сглотнув, я спрятала хлеб под платьем.

– Ты чего? – схватила меня за плечо Риека.

– Кайде и Тиану нужнее, чем мне. В школе не всегда кормят, Кайда часто приходит домой голодной. Если сегодня вечером...

– Лиора, я дала этот хлеб тебе, а не Кайде.

– Я обойдусь. Я уже...

Риека дала мне подзатыльник и вытащила хлеб у меня из-под платья.

– Говорила тебе сто раз и скажу снова, – начала она, строго глядя мне в глаза. – Никому не будет лучше, если ты умрешь с голоду. Твоя смерть не вылечит Тиана и не накормит Кайду. Ешь, черт возьми! – Она поднесла хлеб близко прямо к моему носу, и я моментально ощутила слабость.

Жевала я как можно медленнее, стараясь растянуть удовольствие. И даже думала разделить ломтик на несколько кусочков, но спустя буквально несколько секунд от хлеба не осталось ни крошки. Теперь желудок сводило не так сильно, но я все еще чувствовала голод.

– Спасибо, – прошептала я, стыдясь, что так накинулась на хлеб. – Понимаю, у вас у самих не так много еды. Надеюсь, когда-нибудь смогу вас отблагодарить...

– Мы с Фресо всегда готовы поделиться. – Риека положила руку мне на плечо. – И раз уж заговорили об этом, приглашаю тебя сегодня с нами поужинать.

Я отрицательно покачала головой прежде, чем успела обдумать приглашение.

– Послушай. – Риека придвинулась ближе, взяла меня за руку, и я сразу почувствовала ее доброту и тепло. – Вчера Фресо получил очередное военное пособие. Дела у нас явно лучше, чем у большинства жителей города, а мы с тобой так долго дружим. Разреши мне хоть немного помочь.

Я хотела выглядеть сильной. Старалась изо всех сил. Однако достаточно было одного обеспокоенного взгляда Риеки, чтобы я вспомнила о том, сколько мы пережили вместе. С ней я всегда чувствовала себя как дома: в полной безопасности и с уверенностью в будущем. Сдержаться не вышло: я расплакалась. Эмоциональность, как и отсутствие эмоций, – следствие голода. Иногда я чувствовала себя подавленной, какой-то замороженной, а иногда бросалась в слезы по поводу и без.

– Ты узнавала в больнице? – Я вытерла слезы.

Риека отвела глаза – этого ответа было вполне достаточно.

– Работы пока нет, – все-таки сказала она. – По крайней мере такой, за которую они были бы готовы платить. Хотя вчера снова кое-кого уволили.

– За что? – спросила я, стараясь не выдать разочарования.

– Использовал магию, – помрачнела Риека. – Лекарство не подействовало, и он решил вылечить больного сам.

– И что с ним стало?

– Я видела только, как его забирали, – пожала плечами подруга. – А потом...

Она не договорила, ведь мы обе прекрасно знали, что случилось. Вряд ли он еще жив. Король-человек не знал пощады. Иногда он казнил владеющих магией прямо на рыночной площади, чтобы запугать народ. В глубине души я снова порадовалась, что родилась обычным человеком.

– Не переживай, найдем мы тебе работу, – вновь заговорила Риека.

– Я уже везде спрашивала. Никто не готов платить, большинство лавок пустуют. Девушкам и до войны сложно было найти работу, а сейчас так вообще невозможно.

Не зная, плакать или смеяться, я вспомнила, как работала в цветочной лавке у мистера Хьюза. Я составляла букеты, а он украшал их с помощью магии. Теперь эта лавка, как и многие другие в Криндоне, лежала в руинах. Мистер Хьюз погиб от удара бомбы, людям перестало хватать денег на цветы, и миссис Хьюз умерла от голода. Минуло уже больше трех лет, а у меня все еще сжималось сердце, когда я проходила мимо разрушенного здания.

– А в школе у Кайды спрашивала? Может, возьмут помогать в классе?

– Я даже письмо без ошибок написать не могу, Кайда смеется. Да и в школу сейчас никого не берут. Увеличили классы, чтобы не набирать учителей. В классе у Кайды аж шестьдесят человек.

– Поверить не могу, что это происходит на самом деле, – прошептала Риека.

– Иногда я просыпаюсь и представляю мир без войны. Думаю о людях, владеющих магией, и колдунах, о жизни, в которой война еще не принесла никому страдания. – Я собрала крошки с юбки и отправила их в рот.

– Но все это только мечты.

Я перевела взгляд на серое здание, которое скорее напоминало психиатрическую лечебницу, чем школу. Меня разрывало на части: я радовалась, что у Кайды есть возможность учиться, и считала, что сестра заслуживает большего.

– Как дела у твоего отца? – Риека сложила ткань, которой прикрывала корзину, и положила ее внутрь.

Жила подруга небогато, но всегда выглядела опрятно и собранно. Не представляю, сколько времени и сил она потратила, делая прическу.

– А ты как думаешь? Мы почти не общаемся. Целыми днями пьет и поливает нас грязью.

– Ты, наверное, едва сдерживаешься.

– Больше не сдерживаюсь, – сказала я, глядя в одну точку; между нами с отцом осталась одна только выжженная земля, почва, на которой ничего уже не вырастет. – Ему на нас плевать. Если бы он хоть немного думал о Кайде и Тиане, не тратил бы все до копейки на пойло.

– Может, все еще наладится.

Я фыркнула. Риека – неисправимая оптимистка. Не раз ее вера в лучшее передавалась и мне, но сейчас я не хотела, чтобы меня подбадривали.

– Что там может наладиться? Мамы больше нет, а он не сможет с этим смириться. Воспоминания о войне не дают ему спать, будят, стоит ему слегка задремать. Иногда он часами кричит. – Я вспомнила последний такой приступ, и по спине пробежал холодок. – Мне нечем ему помочь. Надеюсь только, что Бог достаточно милостив, чтобы избавить нас от него.

Риека смотрела на меня широко раскрытыми глазами, но у меня уже не было времени оправдываться. Я резко встала, перелезла через скамейку и подобрала юбку, чтобы она не волочилась по земле.

– Стойте! – Я поспешила к невысокому мужчине в красной кепке с восьмиугольным логотипом почты и кожаной сумкой, болтавшей на уровне бедер.

Он собирался опустить два конверта в почтовый ящик, но повернулся ко мне.

– Нет ли писем для меня? – спросила я, почти ни на что не надеясь. – Для Лиоры Уэйголд.

Почтальон поправил очки и открыл сумку. Я беспокойно переступала с ноги на ногу. Риека встала рядом.

– Увы, кажется, ничего нет, – пробормотал он. – Ах, вот же... – Он протянул мне помятый конверт, перевязанный несколькими лентами, и у меня заколотилось сердце.

– Наконец-то! Алев. – Я наскоро развязала узлы, не заметив, что ленты упали на землю, и открыла конверт. На этот раз он был тяжелее предыдущих, что вселяло надежду на лучшее.

«Дорогая Лиора, – прочитала я шепотом. – Дорогая Кайда, дорогой Тиан, дорогой отец. Чем дольше я нахожусь в Олдере, тем сильнее скучаю».

Я сглотнула.

«Работать в Олдере мне нравится. Йохим научил меня всему, что умел сам. Я изготавливаю гвозди, инструменты и цепи. Вчера приходила богатая женщина, попросила сделать какую-то особую подкову. Взамен она дала мне большой кусок пирога и браслет, который я отправляю вам. Знаю, драгоценности сейчас дорого не продашь, но, может быть, тебе удастся обменять его на еду.

Хотел бы я отправить вам больше денег, но у самого осталась пара рупанов. Обстановка нестабильная, и Йохиму пришлось урезать мне зарплату. Теперь он будет платить мне на тридцать процентов меньше, но я смогу ночевать у него в гостевой комнате. Я не против, но понимаю, что теперь смогу отправлять вам еще меньше. Мне очень жаль. Ночами я лежу, вспоминая вас. Очень хочу поскорее увидеться.

Твой Алев»

Испытывая смесь разочарования и умиления, я открыла конверт и обнаружила браслет, о котором писал брат. Несколько серебряных звеньев, на которых были выгравированы замысловатые цветы. В любой другой ситуации я бы тут же его примерила, но все мое платье было в заплатках, и украшение смотрелось бы нелепо. Браслет, конечно, красивый, но совершенно бесполезный. Если буду носить, его отберут, но если попытаюсь продать, то никто не купит. Времена, когда людей интересовали украшения, прошли.

– Могу взять его в больницу, – предложила Риека, на лбу у нее залегла морщинка. – Вчера поступила женщина со сломанной ногой. Довольно состоятельная. Может, она купит.

Я с благодарностью отдала браслет подруге. Даже пара рупанов уже лучше, чем ничего. Сунув руку в конверт, кончиками пальцев я нащупала три монетки – деньги, о которых писал Алев. На них можно было купить два кочана капусты, конечно, если удачно поторговаться с лавочником. *Черт!* Я прикусила губу и отправила монеты в карман, к той жалкой мелочи, которую отец не успел потратить на выпивку.

– Уверена, что смогу его продать, – сказала Риека, пытаясь меня приободрить.

Я молча пошла вперед. Я так надеялась, что смогу купить еды на деньги Алева. Теперь нужно посмотреть, на что мне хватит трех монет. Риека открыла было рот, но я покачала головой:

– Ничего уже не изменишь. Нужно по максимуму использовать то, что есть.

По максимуму. Так я и делала с самого начала войны. С тех пор как в боях отец лишился ноги. С тех пор как я увидела первого погибшего. С тех пор как узнала, что такое голод и как больно смотреть на голодных брата и сестру. С тех пор как приходилось все искуснее изобретать, что приготовить из остатков продуктов. С тех пор как Алев уехал на заработки в другой город и мне оставалось только скучать по нему. С тех пор как мама умерла в родах, а отец не смог с ней попрощаться. С тех пор как запретили магию и одаренные больше не могли пользоваться своим даром.

Мы с Риекой свернули на главную торговую улицу – большинство лавок на ней удалось восстановить. Товаров было немного, но тот, у кого были деньги, мог приобрести все, что нужно. Я вздохнула. Народу было много: простые люди и одаренные толпились под окнами домов. Я уже знала, что они пришли просить милостыню. Выходить из лавки с едой было опасно.

Риека расправила плечи, мы протиснулись сквозь толпу тарашившихся на нас голодных людей и вошли в первую лавку – это было кирпичное здание, где когда-то располагалось кафе, а теперь продавали продукты первой необходимости.

– Можем сложить еду ко мне в корзину, – предложила Риека.

В лавке стоял затхлый запах. Из-за прилавка нас пристально рассматривал продавец. За каждым покупателем приходилось внимательно следить, слишком высока была вероятность кражи.

Сразу после войны пустые полки стали обычным явлением. Прошло уже два года, товаров постепенно становилось все больше, но дефицит все равно чувствовался.

– Четыре рупана за два яблока, – еле слышно пробормотала Риека. – Неделю назад же было три.

– И выглядят они так, как будто упали с дерева полгода назад.

– Зато картошка стала лучше. – Риека уверенно запустила руку в ящик, доверху набитый коричневыми клубнями.

Картошка тоже подорожала, но незначительно, так что я смогла купить целых три. Я прикинула, на что хватит денег, и взяла две морковки, немного лука-порея и какие-то корнеплоды, которые не имели вкуса, зато стоили дешево и отлично спасали от чувства голода. Риека положила в корзину три персика, и мы подошли к полке с продуктами для выпечки.

– Давно я не ела пирогов, – вздохнула Риека.

– Я тоже. – Я потянулась за пакетиком муки, который был чуть разорван, а значит, стоил дешевле остальных. – Год назад Ханья пригласила нас с Кайдой на чай. Мы тогда ели вишневый пирог. До сих пор помню вкус. Кайда тогда так много съела, что ее потом рвало. Мы пили чай с лимоном из огромных чашек.

– Интересно, как Ханье живется без мужа? – Риека тоже взяла пакет муки и даже прихватила немного сахара.

– Он, конечно, был уже старенький. Его смерть не была неожиданностью, но, мне кажется, она переживает гораздо сильнее, чем говорит.

– Ты снова ее навещала?

– Кайда с ней иногда видится. – Я покачала головой.

Хотя, конечно, я хотела бы навещать Ханью чаще. Ей было семьдесят. И я знала, что у нее были деньги. Наследство, доставшееся ей после смерти мужа, оказалось не таким большим, как ожидалось. Однако дом Ханьи был полон красивых вещей, там было тепло, даже несмотря на приближение зимы, а еще она могла позволить себе прислугу.

Ханью мы знали с детства – она дружила с бабушкой. Я понимала, что для нее наша семья нечто большее, чем просто финансовая обуза, но все равно чувствовала себя неловко, ведь Ханья знала о нашем положении. Мне не хотелось ни о чем просить. Пусть голод заберет у меня независимость, но я не отдам свою гордость. По каким-то необъяснимым причинам я хотела справляться со всем сама.

– Она подарила Кайде книгу, – обратилась я к Риеке. – Про колдуна из замка на горе. Кайда вчера весь вечер не могла оторваться.

– Но ведь все книги уничтожили? – удивленно спросила Риека.

– Видимо, не все. Нужно сжечь ее, пока никто не увидел.

– Помнишь, что ты говорила про него, когда была маленькой? – хихикнула подруга.

– А что я говорила?

– Что выйдешь за него замуж и станешь волшебницей, – расхохоталась Риека.

Я встревоженно огляделась. Если услышат не те люди, то нам несдобровать.

– Чепуха, – пробормотала я себе под нос и подошла к полке с товарами для дома.

– Но ты так говорила. Как-то в школе ты сказала, что вы встречаетесь. И что он заберет тебя в замок на каникулы и признается тебе в вечной любви.

– Риека! – прошипела я. – Прекрати.

Мне было страшно, что нас услышат, и очень неловко от воспоминаний. Но блеск в глазах подруги ясно давал понять, что останавливаться она не собирается.

– Ты говорила, что он зовет тебя своей темной принцессой и самой красивой девушкой на свете. И что он одаривает тебя всякими драгоценностями.

– Будь это правдой, мне не пришлось бы думать, что лучше: потратить последние деньги на соль или неделю питаться пресной едой. – Я критично оглядела крошечную жестянку. – И вообще, – я повернулась к подруге, – это были просто детские фантазии. Я думала, что магия – это что-то хорошее. Но война показала, что я ошибалась.

– А Кайда?

– Романтизирует колдуна, как и я когда-то. Но она в таком возрасте, когда интересы быстро меняются. Так что это скоро пройдет.

Я все-таки решила взять соль. Впереди оставалась последняя полка.

– Карамельки, – вздохнула Риека.

– Сладости, – попытожила я.

– Леденцы и пирожные. – Подруга заглянула в кошелек.

Обычно она отказывалась от сладостей, но сегодня потянулась за малиновыми леденцами.

– Уверена?

– Нет. Но вечно экономить уже надоело. – Конфеты у нее на ладони так и манили. – Пять штук. Каждому по одной: мне, Фрезе, Тиану, Кайде и тебе.

Я уже собиралась возразить, но сдержалась. Я тоже устала постоянно во всем себе отказывать. Риека расплатилась и улыбнулась, довольная покупкой.

– С вас пятнадцать рупанов, – буркнул продавец, подсчитав стоимость моих покупок. На лбу у него выступили капли пота; он явно лысел.

Дрожащими пальцами я полезла в кошелек. Пятнадцать рупанов. Это все, что у меня было. Все, кроме браслета, который надеялась выгодно продать Риека. Продавец выхватил у меня из рук красные монеты, ворча, дважды пересчитал их и со звоном отправил в кассу. Он не соизволил даже попрощаться с нами и тут же повернулся к следующему покупателю.

Риека схватила меня за рукав и вытянула из лавки. Я прокладывала нам путь через толпу, пока она закрывала покупки от любопытных глаз. Несколько рук потянулись к корзине. Я выдохнула, только когда торговая улица осталась далеко позади. Мы сели на парапет полуразрушенного фонтана. Риека поставила корзину между нами, заправила выбившиеся пряди обратно в прическу, а затем протянула мне персик:

– Съешь.

Спорить было бесполезно, и я взяла фрукт двумя руками, поглаживая пальцами шершавую кожуру. Впилась зубами в мякоть, и сладкий сок потек с уголков рта – просто блаженство. Конечно, персики были так себе, с коричневыми вмятинами – вовсе не похожи на те, что продавали до войны. И все-таки я жадно вгрызлась в несчастный фрукт.

– Хотела бы я выйти замуж в таком платье.

Риека пальцем указала на витрину ателье, в которой было выставлено шикарное платье кремового цвета с цветочным лифом и многослойной нижней юбкой.

– Тебе не нужна вся эта ерунда, чтобы быть красивой.

– Но мне нравится эта ерунда, – улыбнулась Риека. – Помнишь мое платье? Я сшила его сама. Учитывая обстоятельства и времена, вышло очень даже ничего.

– Еще как помню. И свадьбу тоже.

– Никогда бы не подумала, что выйду замуж в разгар войны, – наклонилась вперед Риека. – Но то время было настолько темным, что всем нам нужно было немного света.

– Чудесный был день. – Я с тоской посмотрела на платье на витрине.

– Мы с Фрезе познакомились четыре года назад.

– Целых четыре?

Подруга говорила так взволновано, будто впервые рассказывала мне о нем. Щеки горели, голос дрожал. В то время Фрезе участвовал в войне солдатом и был ранен в битве при Мидайне. Он получил ранение в ногу, спасти его удалось только благодаря профессионализму и терпению врача.

– Может, когда-нибудь вы сыграете большую свадьбу. С настоящим тортом, вкусной едой, со всеми друзьями и в таком платье.

– С каких пор ты стала оптимисткой, Лио?

– С тех пор как устала постоянно быть в отчаянии, – вздохнула я.

– О, я же совсем забыла. – Риека расстегнула пальто и залезла во внутренний карман. – Хотела кое-что тебе отдать.

Она вытащила из кармана бутылочку, вложила ее мне в руку и сжала мои пальцы.

– Что это? – нахмурилась я.

– Лекарство. Для Тиана.

– Правда?

Риека приложила указательный палец к губам:

– Если кто-то узнает, мне придется несладко. В больнице и так на всех пациентов лекарств не хватает. Если узнают, что я что-то ukrала...

– Не узнают, – перебила я подругу. – Спасибо тебе большое!

– Не могу обещать, что поможет. Тиан уже долго болеет. Но должно хотя бы сбить температуру.

Я разжала пальцы. На этикетке были медицинские термины, значения которых я не знала. Было гораздо проще, когда тем, кто владеет магией, разрешали лечить людей. Обычная медицина была далеко не так развита.

– Давай по три капли утром, днем и вечером. Если через неделю не станет лучше, я осматриваю его еще раз.

– Спасибо, – еле выдавила я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. Подарок Риеки пробудил во мне чувство, о котором я почти забыла, – надежду.

Глава 4

Лихорадка и страх

Я проснулась в холодном поту. По предплечьям бежали мурашки. Сердце колотилось, грозясь выпрыгнуть из груди. Спросонья я не поняла, что меня разбудило, но потом вдруг раздался крик. Сначала я услышала всхлип, а потом свое имя.

– Лио! Лио, иди сюда, скорее!

Я тут же вскочила с кровати, натянула дырявые тапочки, когда-то принадлежавшие отцу, и поспешила вниз. Испуганный голос Кайды эхом отдавался у меня в ушах, хотя сестра больше не кричала. В темноте я нашла дверь ее спальни только со второй попытки и, открыв дверь, случайно столкнулась с Кайдой. В рассеянном свете свечи я увидела, что сестра плакала.

– Тиан! – всхлипнула она. – Он... Он...

Пожалуйста, только не это. Пожалуйста, пожалуйста! Я застыла на месте. Жизнь будто остановилась.

– Лио, сделай же что-нибудь! – Кайда обвила меня своими тонкими руками где-то в районе живота, прижалась ко мне и безудержно зарыдала.

Только тогда я в конце концов посмотрела на кровать, на которой лежал брат. Смерти я не боялась, слишком часто приходилось с ней сталкиваться. Я боялась потерять еще одного члена семьи. За последние годы нас и так стало меньше. Мне нельзя было сломаться. Нужно было быть сильной. Ради Кайды. Я аккуратно оттолкнула ее и подбежала к кровати Тиана. Поняла, что он еще жив, и в этот момент почувствовала себя так, будто камень свалился с моих плеч.

– Что с ним? – испуганно прокричала Кайда.

Она стояла за мной, цепляясь за мою правую руку. Брат лежал с широко открытыми закатившимися глазами – видно было только белки. Он бился в конвульсиях: тело трясло, руки вцепились в покрывало, изо рта шла пена.

– Кайда, – обратилась я к сестре, – позови отца. Разбуди его, скажи, что нам нужна помощь.

Она вышла из комнаты на трясущихся ногах. Я опустилась на колени перед Тианом и положила руку на его раскаленный лоб. Вот уже несколько дней мы давали ему лекарство, которое принесла Риека, и сегодня мне впервые за долгое время показалось, что брат чувствует себя лучше.

Тиан побледнел и издал какие-то жуткие звуки.

– Тиан, – прошептала я, взяла его за руку, выудив ее из-под одеяла, и прижала к сердцу, чтобы он чувствовал тепло. – Тиан, не уходи. – Я наклонилась поближе, но не была уверена, что брат видит меня. – Что бы ни было... Это пройдет. Тебе станет лучше.

Я не знала, кого пыталась успокоить – брата или себя, но продолжала повторять слова как мантру, пока сама не начала в них верить. Тиан дрожал всем телом, а я молилась, чтобы это был просто жар.

– Лио, он не придет! – В комнату ввалилась заплаканная Кайда. – Он не хочет.

Я прикусила губу, чтобы сдержать грозившие сорваться с языка ругательства.

– Сказал, что ударит, если не уйду.

Я удивленно посмотрела на Кайду и опустила руку Тиана.

– Ляг рядом с Тианом. Ему холодно, но все будет хорошо. Я схожу к отцу.

– Осторожнее, – сказала мне вслед Кайда, хотя дни, когда я боялась отца, уже давно прошли.

Чем ближе я подходила к его комнате, тем сильнее злилась. Гнев бушевал во мне, будто пламя, которое невозможно было потушить, – в тот момент я почти наслаждалась им. Разъяренная, я толкнула дверь в комнату и увидела на полу скрюченное тело отца. Рот был приоткрыт, и без того полное лицо опухло. Он был совершенно голый. Зловоние буквально сводило с ума, пришлось закрыть нос рукой, чтобы не сойти с ума от неприятного запаха.

– Твой сын умирает! Тиан умирает! Позови на помощь! Ему нужно в больницу! – Мой собственный голос звоном отдавался в ушах, я ненавидела отца за то, что он даже не поднял головы. Он просто свернулся калачиком на полу и закрыл глаза.

Я опустилась на колени, и в нос тут же ударил запах алкоголя и пота. Стараясь не обращать внимания на смрад, я зарычала отцу прямо в ухо:

– Нам нужна помощь. Тиан тяжело болен. Ты должен встать.

Не без удовлетворения я заметила, как отец закрыл ладонями уши и заскулил. Сначала он смотрел на меня с недовольством, но потом выражение его лица вдруг смягчилось.

– Люсия? – прошептал он, протягивая ко мне свои опухшие пальцы; я вздрогнула, ощутив прикосновение на щеке. – Люсия, ты такая красивая.

– Мама мертва, – сказала я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. – Я Лиора. И мне нужна твоя помощь.

– Куда ты так надолго пропала? – Отец запустил пальцы мне в волосы.

Я разозлилась и отодвинулась подальше, чтобы он не мог меня коснуться.

– Моран. – Я назвала его по имени, надеясь, что он среагирует.

Но отец лишь снова закрыл глаза и перевернулся на спину. Тогда-то ярость и поглотила меня окончательно. Словно марионетка, повинующаяся кукловоду, я встала и потянулась к стоявшей у двери вазе из мрамора, в которую мы раньше ставили свежие цветы. Если ударить ею по голове достаточно сильно...

– Лио! Лио, скорее сюда!

Что ж, будем считать, что Кайда спасла его. Я в очередной раз посмотрела на отца с презрением и вышла из комнаты. Сестра выбежала навстречу и от нетерпения стала дергать меня за ночную рубашку. Ее мокрая от пота рука потянулась к моей.

– Тиан, – едва выговорила я от удивления.

Он проснулся и теперь лежал с открытыми глазами. Я тут же подбежала к кровати, положила руку брату на лоб, а затем помогла приподняться. Высокая температура не прошла, но, кажется, брат был в сознании.

– Так... холодно, – пробормотал он, и я прижала его к себе, но стоило отпустить, как тело вновь обмякло. – Мне так холодно...

Я тут же забралась к нему в постель, надеясь согреть своим теплом.

– Сделаешь чай? – попросила я Кайду, и она поспешно скрылась на кухне.

Тиан положил голову мне на колени, и я убрала с его лица мокрые от пота черные волосы. За семь прожитых лет брат видел только войну и страдания. Я так надеялась, что болезнь отступит и Тиан встретит с нами лучшие безбедные времена.

Все еще лежа у меня на руках, Тиан захныкал. В этом месяце Риека осматривала его уже несколько раз, но так и не поняла, в чем причина болезни. Нужен был специалист, прием которого стоил дороже, чем наш дом.

– Тш-ш, – убаюкивала я Тиана. – Поспи хоть немного. Ночь на дворе.

– Так... холодно. – Болезнь приглушила его голос, Тиана было едва слышно.

Я натянула одеяло повыше и подоткнула края под туловище, а затем поцеловала брата в лоб:

– Что-нибудь болит?

Тиан, кажется, снова был где-то не здесь. Я осторожно потрясла его за плечо:

– У тебя что-нибудь болит?

Брат не ответил. Вместо этого он вытянул левую руку и указал на точку где-то в пространстве. Его потрескавшиеся губы растянулись в слабой улыбке.

– Что там? Ты что-то видишь, Тиан?

Он продолжал указывать все на ту же точку. Кайда вновь появилась в комнате с чашкой чая в руках.

– Мэйли, – прошептал Тиан так тихо, что сначала я решила, будто мне послышалось.

Я *надеялась*, что послышалось. Но Тиан произнес это же имя во второй раз. В его глазах появился странный блеск. Он не отрываясь смотрел в одну точку как замороженный. Я вдруг поняла, что происходит, и мной овладела паника.

– Нет, – пробормотала я. – Пожалуйста, пожалуйста, только не это.

Я резко встала, вырвала чашку из рук у Кайды и добавила в чай немного лекарства, которое дала Риека.

– Помоги ему, пожалуйста, помоги, – шептала я, представляя, что говорю с мамой, хотя она осталась в памяти размытым образом. – Пожалуйста, помоги! – Я крепко сжала вытянутую вперед руку Тиана. – Кайда, помогай!

Вместе мы приподняли Тиана так, чтобы он полулежал. Я крепко держала его, чтобы у него не запрокинулась голова, а Кайда подносила чашку с лекарством к его губам. Тиан закрыл глаза. Со стороны казалось, что он в бреду – где-то между реальностью и забвением.

– Теперь ты держи!

Я взяла чашку из рук сестры и просунула палец Тиану между зубами, чтобы он открыл рот и я могла напоить его лекарством. Я смотрела на его кадык, затаив дыхание, и с облегчением выдохнула, только когда он сглотнул.

– Умница. Еще глоток.

Постепенно чашка опустела. И хотя я знала, что лекарство не лечит, а лишь облегчает симптомы, уже можно было праздновать маленькую победу. Чашка звякнула, когда я наконец поставила ее на прикроватную тумбу. Затем я снова как следует укрыла Тиана, уснувшего у меня на руках.

– Лио, ты же останешься с нами?

Судя по выражению лица Кайды, она была сильно напугана. Эта ночь не первая из тех, которые мы провели втроем, тесно прижавшись друг к другу в кровати. Я протянула сестре руку, и она забралась к нам с Тианом. Кайда приобняла меня за талию. Теперь я лежала посередине, между братом и сестрой.

– Мне страшно. – Кайда вцепилась пальцами в покрывало. – Расскажи какую-нибудь историю.

Я задумчиво провела рукой по рыжим кудрям. Да уж, я точно не была в состоянии придумать сказку. Но этот ее взгляд. Сестра смотрела на меня со страхом и надеждой. Я любила ее больше, чем себя. А потому придумала мир, в котором больше не было места страху.

Кайда давно уже спала, когда я внезапно услышала стук в дверь. Меня будто пронзило током – в такое время вряд ли кто-то приходит с хорошими новостями. Вылезать из теплой постели совсем не хотелось, но я все же встала и на цыпочках вышла в коридор.

Я открыла дверь, и в лицо ударил порыв холодного ветра. На улице – ни души. Я уже собиралась вернуться в дом, решив, что мне показалось, но вдруг обнаружила тонкий черный конверт на последней ступеньке. Я разорвала конверт зубами, сходя с ума одновременно от гнева и любопытства. Такие письма без обратного адреса приходили уже не в первый раз. Время от времени я получала подобные послания: письмо состояло всего из нескольких предложений, которые не имели смысла. Я развернула лист бумаги.

«Никак не могу забыть тот день на озере».

Глава 5

Бархат и вода

Светло-голубая ткань, бежевый воротник, белая нижняя юбка, плиссированный фартук – вот он, мой лучший наряд. Особенно если представить, что на груди нет никакого пятна, нижняя юбка не изорвана и мне вовсе не приходилось ушивать это платье пять раз. Ну и конечно, куда же без черных туфель, подошва которых совсем износилась и была едва ли толще папиросной бумаги. Медленно, но верно все шло к тому, что они совсем развалятся.

Я осторожно разобрала пальцами тонкие волосы и печально вздохнула, увидев, как отделившийся клочок падает на пол. С горем пополам мне удалось даже сделать прическу – пучок на затылке. Надеюсь, этого достаточно. Я накинула пальто и сбежала вниз по лестнице. Кайда уже ушла в школу, а Тиана нельзя было оставить одного, так что я попросила Ханью за ним присмотреть. Хорошо бы, чтобы она забыла о книге: от подарка Кайде осталась лишь кучка пепла.

Я опаздывала, так что пришлось идти через центр города. Часы на городской ратуше проббили восемь. Моросил дождь, по сравнению с тем, как безудержно гневались небеса последние несколько дней, это было даже приятно. Можно было даже заметить, как на горизонте сквозь завесу облаков пробиваются солнечные лучи.

На мгновение я замерла, глядя на мрачный замок на вершине горы, который даже при свете дня вселял страх. С колдуном, которого туда сослали, я никогда не была знакома лично. Даже тогда, когда ему разрешалось свободно передвигаться по Арвендому. Я знала только, что он из тех, кто любит похищать людей и издеваться над ними. Так он и поступал, когда страной правил один из них. Я вспомнила о войне, о том, как много страданий принесла людям магия, и мне стало не по себе. Да, с борьбой за выживание я уже давно смирилась, но хотя бы оставалась свободной.

Я направилась в сторону торговой улицы: оттуда до здания из красного кирпича на окраине города всего пара минут пешком. Я знала женщину, которая прожила в том доме всю жизнь. Еще в детстве она казалась мне достаточно пожилой, но, судя по всему, здоровье начало подводить ее совсем недавно и весьма серьезно, раз она решила найти сиделку. Вчера объявление об этом в газете увидел муж Риеки Фресо. Он рассказал мне, назвал адрес и передал, что сегодня в половине девятого можно прийти на встречу с дочерью пожилой женщины.

Чем ближе я оказывалась к нужному дому, тем чаще билось сердце. Это мой первый за целую вечность шанс получить работу. Потенциальная работодательница жила в большом и теплом доме, помимо жалованья, обещала еду и, возможно, крышу над головой, когда в нашем доме жить станет уже невозможно.

Криндон давно проснулся, и узкие улочки заполнили толпы народу. Со всех сторон тянули руки нищие – мужчины и женщины. Я поспешила уйти с главной улицы, но вдруг заметила длинную очередь, подошла и встала на цыпочки, пытаясь разглядеть, зачем собрались люди. Здесь были одни женщины, в основном в возрасте и несколько молодых. Некоторые переговаривались, другие молча смотрели перед собой.

Я пробежала вперед, но до начала очереди было еще далеко, поэтому я тронула за плечо незнакомую женщину в сером платье с пепельно-русыми волосами до лопаток.

– В очередь! – прошипела она.

– За чем ты стоишь? – спросила я, но в ответ услышала лишь ворчание.

– Госпожа Молика ищет сиделку, – ответил кто-то сзади; я обернулась и встретилась взглядом с девушкой с корзиной в руках. – Во вчерашней газете было объявление, что сегодня можно прийти и предложить свою кандидатуру.

– То есть... – я указала на вереницу женщин, – все они хотят получить эту работу?

Ответ уже был понятен, но кивок девушки из очереди потушил во мне последний тлеющий уголек надежды. Я почувствовала себя не только жалкой, но и очень глупой. Ради всего святого, с чего вдруг я решила, что буду единственной претенденткой? Конечно, работа нужна всем.

– Тоже хочешь попытать удачу? – спросила девушка, оценивающе рассматривая меня.

Я еще раз огляделась по сторонам и прикинула, сколько человек пришло по объявлению и сколько пройдет времени, прежде чем очередь дойдет до меня. Скорее всего, выберут из тех, кто пришел раньше. Так что я покачала головой и отправилась в больницу. Риека просила зайти после разговора по поводу работы. Она, как и я, была оптимисткой.

Разочарование захлестнуло меня с новой силой. Я не смогла сдержать последнего обещания, данного маме. Она хотела, чтобы я заботилась о брате и сестре, но у меня не вышло. Куда бы я ни подалась, везде ждал провал.

– Бери блондинку с большой грудью! – раздался вдруг низкий голос, в котором не было и намек на дружелюбие. – Ту, что в красном. Готовить умеет? Девственница?

Я замерла, поначалу не в силах сложить два плюс два. Сегодня ведь пятнадцатое ноября. Как же я могла забыть? Рука сама собой сжалась в кулак. Я уговаривала себя просто пойти дальше, по своим делам, но интерес – или голод до сильных эмоций – не оставил мне шанса.

Я незаметно подошла к каменной сцене неподалеку от рыночной площади. Там столпилось около двадцати женщин. Все они были с красивыми замысловатыми прическами и в нарядах, которые едва прикрывали причинные места. На одной из них была только юбка, так что все внимание привлекала грудь.

Мне стало не по себе. Я хотела отвести взгляд, но не смогла. Неужели это происходит на самом деле? Несчастливым женщинам Криндона приходится выходить на сцену в таком виде, будто скотине, чтобы удовлетворить похотливые желания мужчин. Их было восемь перед сценой, и они стояли, задрав головы, и оценивающе смотрели. На первый взгляд, у них не было ничего общего: мужчины были разного возраста, разного достатка. Но если подумать, все они испытывали одно желание – безраздельно обладать женщиной.

– Покажи-ка мне ее задницу! – крикнул обрюзгший мужчина в серой шапке. – Да, вон той, темноволосой. Хочу потрогать.

Ведущий – изможденный мужчина в сером костюме – держал в руках тиски. Мне было страшно даже представить, для чего они ему.

– Номер шесть! – прогремел низкий голос ведущего. – Выйди вперед и разденься. Тут тобой интересуются.

На сцене из толпы вышла девочка всего на пару лет старше Кайды. Она покраснела и смущенно оглядела столпившихся внизу мужчин, прежде чем приподнять нижнюю юбку, стянуть трусы и повернуться спиной.

– Наклонись! – выпалил толстяк.

Девушка молча подчинилась приказу, и я подумала, что с удовольствием ударила бы этого потенциального покупателя. Правда, дракой ничего не изменишь, я только нажила бы себе неприятностей.

– Сколько ей? – Хромая, мужчина подошел ближе к сцене.

Девушка тихо ответила, прикрываясь руками, звук толпы заглушил ее слова.

– Совсем молодая...

Я услышала в его голосе что-то такое, отчего по спине пробежал холодок.

– Беру.

Что ж, он назвал вещи своими именами. Такие мужчины даже не думают о том, чтобы поухаживать за женщиной. Они считают ее своей собственностью, лишают всех возможных прав и заставляют работать на себя, причем в самом отвратительном смысле этого слова.

– Номер шесть продана, – выкрикнул мужчина с тисками в руках.

Нервно улыбаясь, девушка спрыгнула со сцены. Покупатель грубо схватил ее за голую руку, швырнул деньги в ведущего и потащил за собой.

– Продолжаем, – сказал ведущий, даже не моргнув глазом.

Девушки тут же заняли свои места на сцене, выпрямились и показали все свои прелести открыто, без стеснения. Я же перевела взгляд на мужчин. Среди них я заметила одного, который выглядел наименее противным из всех. В его взгляде не было опасности, он, кажется, был моложе и со стороны казался менее жестоким.

– Какое горе, – сказал кто-то рядом со мной.

Я повернула голову и увидела пожилую женщину в косынке.

– Бедные. Так отчаялись, что решили, будто так можно избежать страданий.

– Но вместо этого вынуждены еще больше страдать, – поддержала я.

Конечно, у собравшихся под сценой мужчин было достаточно денег, чтобы обеспечить несчастных девушек кровом и едой. Но вряд ли это хороший повод пойти на такой шаг.

– Я рада, что уже немолода. Если повезет, Господь Бог заберет меня через пару месяцев.

Пожилая женщина перекрестилась, когда на сцене начала танцевать рыжая девушка с пышной грудью. Я хотела обеспечить лучшее будущее для Кайды и Тиана и старалась изо всех сил, хватаясь за любую возможность. Однако, видимо, растеряла еще не всю гордость, а потому не могла позволить себе снять одежду и выйти на эту сцену.

– Смотреть не могу, – покачала головой моя собеседница.

Сгорбившись, она поковыляла прочь. Мне же одинаково тяжело было и смотреть, и оторвать взгляд от сцены, от девушек, готовых на все, лишь бы выжить. Среди участников торгов редко попадались по-настоящему богатые мужчины. Большинство из них – простые люди, которым едва ли хватит денег, чтобы прокормить еще один рот.

Я собиралась отвернуться, когда вдруг заметила, как на рыночной площади мелькнула тень. Это мужчина в сером, дорогом на вид костюме и цилиндре. Походка у него была пружинистая, какая-то неуклюжая – такое впечатление, будто он впервые встал на ноги. С любопытством наклонив голову, я наблюдала, как он смешался с толпой. Судя по всему, он не здешний. Из-под полей цилиндра выбивались непослушные кудрявые волосы. В правой руке он держал трость, которой совсем не пользовался.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я приблизилась к сцене. Правда, на этот раз меня интересовали не девушки, а незнакомец. Он наблюдал за происходящим на сцене с явным интересом и казался чужаком на фоне простых неотесанных мужчин.

Вперед вызвали очередного участника, и я заметила, что меня от толпы отделяет всего несколько метров. Не понимаю почему, но я смотрела на незнакомца как замороженная. Я наблюдала, как он снимает цилиндр и оттуда *фонтаном бьет вода?* Ловким движением руки незнакомец пригладил кудри.

Удивительно, что другие его не замечали. Хотя мужчины были так заняты разглядыванием девочек на сцене, что не обратили бы внимания и на самого короля. До сих пор мне не удавалось разглядеть его лица: слишком далеко он стоял. Теперь же я оказалась ближе и заметила, как изящны его черты. Совершенный нос, будто выточенный скульптором. Правда, меня больше завораживало не совершенство черт, а оттенок кожи. На солнце она отдавала... синевой?

Я помотала головой, силясь избавиться от странных мыслей. Это невозможно. Мне просто показалось. Нужно скорее идти домой. Я лишь зря трачу время. Я поправила шляпу, собираясь уйти, но незнакомец вдруг обернулся. Сначала я подумала, что он просто ищет место у сцены с лучшим обзором, но затем он внезапно отделился от остальных зрителей. Я замерла, заметив, что он идет в мою сторону. *Ладно, это просто совпадение.* Потом наши взгляды встретились, и вся моя уверенность улетучилась. Он не улыбался, но и не казался враждебным. Скорее замершим.

Не успела я опомниться, как он уже стоял передо мной. Теперь он был так близко, что я могла разглядеть цвет его глаз. Никогда не была на море, но именно его я увидела в этих глазах. Прибой. Волны, бьющиеся о берег. Никакой нежности. А кожа и вправду отливает синевой. Был ли он одаренным, скрывающим магические способности? Я нервно откашлялась.

– Меня зовут Дориан. – Он протянул мне руку.

Я уставилась на нее с недоумением. Прошло несколько секунд, прежде чем я вспомнила о манерах и слегка сжала его ледяные пальцы.

– Кто ты? – Его мелодичный голос звучал немного таинственно.

– Лиора, – прошептала я. – Мне... нужно домой.

Он не собирался меня задерживать, но я почему-то все равно не сдвинулась с места.

– Ты тоже участвуешь? – Дориан указал на сцену.

– Нет, случайно зашла.

– Я не верю в случайности. – Он на какое-то время задержал на мне взгляд, и я отметила, что мне сложно даже предположить, какого он возраста. – Я здесь, чтобы найти жену для моего повелителя.

Я ничего не ответила, и он продолжил:

– Но те, что на сцене, не в его вкусе.

– Почему вы так решили?

– Интуиция меня никогда не подводит.

Теперь он стоял, опираясь на трость. Костюм был отделан золотым шитьем и сидел на Дориане как влитой. Несмотря на безупречную внешность, в нем было что-то странное.

– Это мероприятие проводят каждый месяц. Может, в следующем вам повезет...

– У тебя нет кольца на пальце. – Он посмотрел на мою руку, и мне впервые стало стыдно за грязь под ногтями.

– Я не замужем.

Дориан кивнул.

– Пойдешь со мной?

Я смотрела на него, не понимая, что ему нужно.

– Думаю, моему повелителю ты понравиться.

Я почувствовала, как к горлу подступил ком.

– Я... никого не ищу!

Я отказалась не только потому, что поклялась себе никогда не участвовать в унижительных мероприятиях, но и потому, что у повелителя наверняка была причина отправить сюда своего помощника. Вполне вероятно, что им окажется прикованный к постели восьмидесятилетний старик, которому захотелось в последний раз коснуться юной плоти костлявыми пальцами.

– Очень жаль, – сказал Дориан спокойным, как море в безветренную ночь, голосом. – Повелитель совсем не похож на собравшихся здесь мужчин.

– Тогда почему он ищет жену здесь?

Вместо ответа Дориан полез в карман пиджака и вытащил оттуда бархатный мешочек размером с кулак.

– Повелитель – богатый человек. Пойдешь со мной – и ни в чем не будешь нуждаться.

Он протянул мне мешочек. Я не решилась взять его сразу, но все-таки приняла. Дориан смотрел на меня выжидательно, поэтому я поспешила развязать красные ленточки и заглянуть внутрь. Я ожидала увидеть рупаны, но в мешочке оказались настоящие сверкающие на солнце золотые монеты. Я даже открыла рот от удивления.

– Сколько... что это?..

– Тридцать золотых монет, – спокойно ответил Дориан. – И это лишь малая часть. Пойдешь со мной – получишь еще.

Это же... невероятно много. Такая сумма полностью изменила бы не только мою жизнь, но и жизнь моих брата и сестры. Денег хватило бы и на лечение Тиана в больнице, и на все обследования. Я хотела вернуть мешочек Дориану, на самом деле хотела, но все никак не решалась – я никогда в жизни не видела столько денег.

– У тебя есть семья? – спросил он.

Я кивнула.

– Брат и сестра, – ответила я. – И... еще отец.

– Выйдешь замуж за моего повелителя, и у них всегда будут деньги. Твоя семья не будет ни в чем нуждаться.

Я посмотрела ему в глаза. Теперь их цвет напоминал не море, а реку. Более спокойную, но ничуть не менее глубокую. Сколько я себя помню, всегда любила бывать у воды. Наверное, потому и не смогла отвести взгляд.

– Кто твой повелитель? – спросила я.

«В чем подвох?» – вот что я на самом деле хотела узнать. Ты отведешь меня к жестокому мужчине, который будет издеваться надо мной вместо завтрака, обеда и ужина, чтобы наслаждаться властью? Может, у него есть любимые инструменты, вроде скамьи для пыток и открытого огня? Зачем он ищет жену в бедных кварталах Криндона, если так богат? Почему не пришел сам?

– Смотрю, сомневаешься.

– А тебя это удивляет? – Я полезла в мешочек, вытащила монету и попробовала ее на зуб, чтобы проверить, настоящая ли.

Впервые на губах Дориана заиграла улыбка.

– Мой повелитель не мошенник. Он всегда выполняет обещания.

– Расскажи мне о нем побольше.

Дориан переложил трость из одной руки в другую:

– Он любит тишину, не страдает от одиночества. И все-таки хочет, чтобы кто-нибудь был рядом. Остались вопросы?

Да! Целая куча! Несмотря на отвращение к подобным способам поиска пары, я почти поддалась искушению. Никогда еще мне не предлагали такие суммы. Никогда еще брат не болел так тяжело. Никогда еще у нашей семьи не было настолько серьезных проблем. Я попыталась вернуть мешочек Дориану уже во второй раз, но моя рука отказывалась меня слушаться.

– Я могу забрать деньги?

Он кивнул. На эти деньги можно сегодня же купить лекарство для Тиана, оплатить ему место в больнице и работу лучших врачей. Возможно, уже завтра его не станет. Смогу ли я жить, зная, что виновата в смерти брата? Тридцать золотых монет не только решили бы наши

проблемы, но и помогли бы мне исполнить последнее желание мамы. Наконец-то я перестану переживать, что разочаровала ее.

– В чем подвох? – все-таки спросила я.

Дориан, казалось, вовсе не удивился:

– Повелитель живет в глуши. Тебе придется на время оставить семью. Он живет довольно далеко отсюда.

Об этом я уже догадалась. Иначе такой человек, как Дориан, наверняка заметил бы меня на улицах Криндона гораздо раньше. Он не торопил меня с ответом, но я все равно чувствовала давление.

– Я могу подумать?

– Увы, нет. Мне нужен ответ немедленно.

Интересно, не станет ли это решение самой большой ошибкой в моей жизни? Я подумала о Кайде. О ее больших, полных надежды глазах. И о Тиане. Об измученном, слабом Тиане, которого в любой момент может отнять у нас болезнь. Внезапно решение показалось мне очень простым.

– Я пойду с тобой, – сказала я, сжимая в руке бархатный мешочек.

Дориан удовлетворенно кивнул. Он совсем не выглядел удивленным. С другой стороны, наверняка в Криндоне не нашлось бы женщины, которая отказалась бы от такого предложения. Я спрятала монеты в карман пальто. По дороге домой придется быть как можно осторожнее, чтобы избежать нападения.

– Заеду за тобой завтра перед рассветом.

– Уже завтра? Нет... Я не согласна.

Дориан с сожалением покачал головой:

– Нам предстоит долгий путь. Нельзя терять время.

Но почему? Неужели повелитель и правда древний старик, который перед смертью хочет в последний раз коснуться молодой кожи?

– Мне... Мне же нужно попрощаться с семьей и собрать вещи.

– Сегодня у тебя на это будет достаточно времени. А с собой брать ничего не нужно, у нас есть все, что может тебе понадобиться.

Что ж, тогда хотя бы не придется краснеть от стыда за то, что и брать-то нечего, кроме пары грязных, плохо пахнущих платьев. Я вдруг поняла, что кое-что в образе Дориана кажется мне странным. Выглядел он безупречно, костюм был на нем с иголочки, но в то же время мой собеседник источал неприятный, похожий на рыбный запах. Я нахмурилась, задумавшись.

– Кстати, мне еще нужна твоя подпись. – Дориан протянул мне узкую полоску пергамента, на котором не было написано ни слова. В другой руке он держал перо.

– И в чем я расписываюсь?

– Только в том, что получила деньги и обязуешься завтра пойти со мной, чтобы выйти замуж за повелителя.

Есть ли еще что-то, чего я не знаю? Перо закрипело по пергаменту, и я кривыми буквами нацарапала свое имя. Удовлетворенный, Дориан свернул пергамент и спрятал его в карман пальто.

– Это, пожалуй, все.

– Может, спросишь, где я живу?

– Я знаю где, Лиора, – отмахнулся он. – Ложись сегодня пораньше, я буду у твоего дома с первым лучом солнца.

По спине пробежали мурашки. Я опустила голову и смотрела вниз, чтобы ненароком не выдать эмоций.

– Что... что это? – пробормотала я.

Под сапогами Дориана растеклась лужа, хотя дождя не было.

- Хорошего тебе дня, Лиора, – слишком официально сказал он.
- А куда именно мы поедем? Где живет повелитель?
- Ответом мне была улыбка, похожая на оскал хищной кошки.
- Экипаж доставит нас прямиком в замок. Полагаю, ты его уже видела. – Он указал на скрывающийся за облачной завесой замок на горе. Замок, в котором в ссылке жил колдун.

Глава 6

Легенда и прощание

Я бежала домой, когда начался дождь. Все мои мысли были об одном: не подписала ли я себе смертный приговор? Ключ трижды выпадал из рук, прежде чем я все-таки вставила его в замок и открыла дверь. Знакомый затхлый запах застоявшегося воздуха и алкоголя ударил в голову и немного привел меня в чувство. Я стояла на пороге больших перемен, а дома все было по-прежнему.

Кайда еще не вернулась из школы, и из комнаты Тиана доносился голос Ханьи. Я быстро скинула туфли и сняла пальто. Мешочек с монетами я спрятала там же, где хранила мамину шкатулку с драгоценностями. Из спальни отца слышался мерный храп. Пожалуй, он не скоро отправится на поиски сокровищ.

Растрепанная, я вошла в комнату к Тиану. Он лежал на постели с закрытыми глазами. В глубине души я боялась, что он не доживет даже до сегодняшнего утра, и выдохнула с облегчением, заметив, как приподнялась, а затем опустила его грудь под одеялом.

Ханья сидела у постели брата на табурете, прислонившись спиной к стене, и листала какую-то книгу, рассмотрев которую я растерянно заморгала от удивления. Этого... не может быть! Я ведь сожгла ее и даже закопала пепел в саду. Напуганная, я с грохотом захлопнула за собой дверь. Ханья вздрогнула и подняла на меня глаза.

– Лиора. Уже вернулась? – Она захлопнула книгу и провела рукой по седым волосам, которые собирала заколкой на затылке. – Получила работу?

Я покачала головой, не в силах заговорить. Все мое внимание было приковано к книге, что лежала у Ханьи на коленях. Неужели разум вновь сыграл со мной злую шутку?

– Как Тиан? – сменила я тему.

Я пододвинула поближе один из шатающихся стульев и села рядом с Ханьей. Старушка смотрела на меня с подозрением.

– Выглядишь усталой, – наконец сказала она.

– Не выспалась, – пробормотала я.

В конце концов я не выдержала и схватила книгу легенд, которую Ханья положила на прикроватную тумбочку.

– Откуда у тебя эта книга? У меня... У тебя что, две одинаковых?

– Две? – Старушка вопросительно подняла тонкие брови. – Она лежала на кухне на столе, я подарила ее Кайде.

На кухне на столе. Быть не может. Я все еще чувствовала пепел на пальцах.

– Все хорошо, Лиора? – спросила Ханья.

Я растерянно кивнула в ответ:

– Не стоит дарить моей сестре такие книги. Ты подвергаешь ее опасности. Людей сейчас казнят и за меньшее.

– Легенды многому учат, – невозмутимо возразила Ханья. – К тому же это была любимая книга твоей мамы.

– Серьезно? – Я почувствовала покалывание в кончиках пальцев.

Ханья спокойно кивнула.

– И то, что нам нельзя говорить о магии, не значит, что ее не существует. – По ее лицу было видно, что она против запрета. – Процентом пятнадцать населения – одаренные, которым больше не разрешают пользоваться своими способностями, даже если у них никогда не было проблем с законом. Они и есть колдуны.

Колдуны. Я тут же вспомнила, что буквально только что заключила странную сделку, и в замешательстве посмотрела на Ханью. Стоит ли рассказать ей? Рано или поздно она все равно заметит, что я куда-то пропала.

– Вчера Кайда рассказала мне о колдуне, который живет на горе. О нем так много легенд. Как... они появились?

Что-то промелькнуло на ее морщинистом лице. Ханья вырвала книгу у меня из рук и принялась искать раздел о колдуне.

– Все началось с историй, которые рассказывали друг другу одаренные. Из этих рассказов и сложились легенды.

– Колдун... – Мой указательный палец завис над черно-белым изображением. – Что ты о нем знаешь?

Ханья водрузила круглые очки обратно на нос. Левое стеклышко было с трещиной посередине.

– Только то, что всю свою жизнь он проведет в заточении. Не более.

– Он ведь ни разу не появлялся в Криндоне? Даже тогда, когда ему еще можно было покидать замок?

– Появлялся.

Кажется, мое сердце остановилось на долю секунды. Тиан вдруг захныкал во сне, сжимая в кулаках одеяло, а затем перевернулся на другой бок. Когда он наконец успокоился, я выжидающе посмотрела на Ханью:

– Он бывал здесь?

– Конечно, не лично, – сказала она таким тоном, будто это было очевидно. – Зачем ему посещать мир людей? Обычно он отправляет в Арвендом своих слуг, которые действуют от его имени. Они выглядят как люди, хотя на самом деле людьми не являются. – На губах заиграло подобие улыбки.

– Ты хоть раз... их видела?

К моему удивлению, Ханья кивнула:

– Я видела, как они забрали Клару.

– Клару?

– Тебе никогда не рассказывали о Кларе? – удивленно посмотрела на меня Ханья. – Ладно. Наверное, ты тогда была еще слишком мала. Да и прошло уже больше двадцати лет. – Ханья выпрямила спину и застонала от боли. – Когда ее забрал один из слуг колдуна, она была примерно твоего возраста. Ей обещали золото и драгоценности, жизнь в достатке, но все, что она получила...

В этот момент дверь в комнату распахнулась, и в проеме показалось раскрасневшееся лицо отца. Он едва держался на ногах.

– Что тебе нужно? – выпалила я. Одного присутствия отца хватило, чтобы привести меня в ярость.

– Война идет, – сказал он. – Он вернулся.

Его рука задрожала, взгляд стал стеклянным. Я знала, что будет дальше. Не успела я вскочить со стула, как отец упал на пол, ударившись головой о ковер. Из рта у него вырвался жуткий вопль, тело свело судорогой – он корчился в припадке.

– Побудь с ним, – попросила я Ханью, а сама перешагнула через отца и пошла за подушкой и одеялом.

Обычно приступы длились недолго, но мы никак не могли их облегчить. Ханья помогла мне приподнять отца и посадить так, чтобы он опирался на дверной косяк. Он смотрел на нас пустым отсутствующим взглядом. Я подложила подушку отцу под спину и накрыла его одеялом. Протянула ему воду, но он не стал пить, зато тут же, повысив голос, потребовал выпивки.

Хватит ли тридцати золотых ему на реабилитацию? Хотя, если честно, было даже немного жаль тратить на него такие деньги.

– Пожалуйста, выпей! – Я дала отцу легкую пощечину, чтобы он обратил на меня внимание.

Хотелось, конечно, ударить посильнее, но мой удар ничего бы не решил. Отец открыл рот и, кряхтя, сделал несколько глотков из небольшого ковшика.

– Отнеси меня в мою комнату, – пробормотал он.

– Ты в два раза тяжелее меня. Тебе придется идти самому.

Ругаясь, он встал на ноги и, хотя и слегка пошатываясь, доковылял до своей комнаты. Я вздохнула с облегчением только после того, как за ним закрылась дверь.

– Ты хоть представляешь, до чего он так дойдет? – спросила Ханья.

– Лучше не думать, – процедила я сквозь зубы. – Если честно, он самая малая из моих проблем. Отец взрослый, сам должен за себя отвечать.

Я вытерла рукавом пот со лба и допила воду, которую оставил отец. Я так устала, что опустилась на пол и запрокинула голову назад.

– Мне пора домой, – сказала Ханья. – Сегодня вечером должен приехать один мой друг, нужно навести порядок. – Она отряхнула свое красивое платье.

– Спасибо, что пришла. Давай провожу тебя до двери.

Она уже шагнула за порог, когда я вновь вспомнила о колдуне:

– Ты же расскажешь мне, что случилось с Кларой?

Ханья сразу же помрачнела. Она поправила шляпу, которую оставила у нас в коридоре.

– Я ее больше не видела. Никто больше не видел. Она оказалась достаточно глупа, чтобы пойти на сделку с тьмой. Это не могло хорошо закончиться.

– А... что, по-твоему, с ней случилось?

Во мне рос страх, и я все сильнее старалась не воспринимать рассказ Ханьи всерьез.

– Не могу сказать. И честно говоря, даже знать не хочу.

* * *

Прощание с Кайдой – самое тяжелое испытание в моей жизни. Она все никак не могла понять, что ее жизнь улучшится, если я уйду. Сейчас она видела только мир, в котором меня больше нет. Я обнимала ее целую вечность, но она все никак не успокаивалась. Сама я изо всех сил сдерживала слезы, поглаживая сестренку по спине.

– Ты же не можешь просто взять и уйти! Так нечестно, – причитала Кайда, впиваясь пальцами в мои плечи. – Как же я буду без тебя?

– Риека о вас позаботится, я с ней договорилась. Она всегда была тебе как вторая старшая сестра.

– Но Риека ведь не ты, – возразила Кайда.

– Первые несколько дней ты будешь скучать, но ты быстро привыкнешь и потом...

– Прекрати! – закричала она. – Я НИКОГДА тебя не забуду. – В ярости она со всей силы топнула ногой. – Мне не нужны деньги от этого дурака! Пусть засунет их куда подальше!

– Кайда, – ахнула я.

– Мир рухнет, если тебя не будет рядом.

Мое сердце разбилось на тысячи осколков. Если бы она только знала, как сильно я сама не хотела уезжать. Больше всего я хотела сбежать с Кайдой, Тианом и тридцатью золотыми в Альдер и укрыться у Алева. Но я дала слово, и что-то подсказывало мне, что сбежать уже нельзя.

– Разве ты не хотела бы жить в красивом доме? Спать в собственной кровати и иметь больше книг, чем сможешь прочитать?

– Я хочу, чтобы ты осталась со мной.

Я снова обняла ее, положила подбородок на рыжие локоны и замерла, вдыхая нежный, почти детский аромат. По Кайде я буду скучать сильнее, чем по тем, по кому уже приходилось скучать раньше. Я еще не уехала, а мне уже казалось, что у меня из груди вырвали кусок сердца.

– Почему тебе нужно уехать именно завтра? У меня через неделю день рождения, ты обещала, что мы его отпразднуем! И не важно, что у нас мало еды и тебе нечего мне дарить... – Дальше слова перешли в безутешное рыдание.

– Я не забыла о твоём дне рождения, Кайда. – Я аккуратно оттолкнула сестру.

Она на мгновение перестала плакать. Пошатываясь, я подошла к шкафу, откинула одеяло и взяла в руки шкатулку с мамиными драгоценностями, завернутую в оберточную бумагу. Кайда не знала, что шкатулка у меня, и мне было больно ее отдавать, хотя я понимала, что она будет в надежных руках.

Дрожащими пальцами я вручила подарок.

– До дня рождения не открывай, – попросила я. – И думай обо мне.

Губы Кайды скривились, и она снова зарыдала. Я взяла шкатулку у нее из рук и положила на матрас.

– И еще... – сказала Кайда, нервно перебирая пальцами.

– Что такое? Можешь рассказать мне обо всем.

Кайда с трудом слотнула, отвернувшись. Увидев лицо сестры в профиль, я мысленно отметила, как она повзрослела.

– Иногда мне становится страшно. Если ты уйдешь... – прошептала она так тихо, что я едва расслышала.

– О чем ты? – Я подошла поближе, но Кайда стояла на месте, скрестив руки на груди, показывая, что мне не стоит приближаться.

– Отец... он... Мне страшно остаться с ним без тебя. Он меня не трогает, но...

Конечно, она его боялась. Каково двенадцатилетней девочке жить с таким, как он? Отец как бомба замедленного действия – никто не знал, когда он взорвется в очередной раз.

– Я говорила с Риекой. Она понимает, как с ним трудно. Обещаю, она о тебе позаботится. Тебе не нужно бояться. Ты мне веришь?

Кайда медленно кивнула.

– Ты же веришь, что я бы ни за что тебя не оставила, если бы было иначе?

– Я все равно не хочу, чтобы ты уходила.

– Я понимаю. – Я взяла ее за руку.

Кайда не знала, кто станет моим мужем. Я специально, чтобы сестра не задавала вопросов, на которые я не смогу ответить, не стала рассказывать. Правду знала только Риека. Кайда же думала, что я выхожу за кого-то из Настрекиса, который был от нее так же далек, как и замок.

– Можно сегодня переночевать у тебя? – спросила она.

– Конечно. Но сейчас мне нужно в больницу. Риека нашла место для Тиана, а я хочу с ним попрощаться. Завтра сможешь его навестить.

– Мне его не хватает, – призналась Кайда.

Мне тоже. При виде пустой кровати я сразу представляла, будто брата больше с нами нет.

– Теперь им занимаются врачи. Тиан скоро поправится.

А если бы все пошло не так и отец совсем не мог бы держать себя в руках, то Кайда осталась бы с Риекой. У них как раз была свободная кровать и золотые монеты, что я оставила.

– Можешь побыть здесь, пока меня не будет. Ладно?

Она кивнула и устроилась на моей импровизированной кровати. Книгу с легендами я принесла наверх после того, как Кайда несколько раз об этом попросила. И все же нужно во что бы то ни стало уничтожить ее, пока я не уехала. На этот раз по-настоящему.

– Возвращайся скорее, – попросила Кайда.

Но я и так не собиралась задерживаться. Не в последнюю ночь дома. Едва сдерживая слезы, я послала Кайде воздушный поцелуй и сбежала вниз по лестнице.

* * *

Комната, куда привела меня Риека, оказалась зоной ожидания для тех, кто пришел навестить пациента. Несмотря на яркие картины на стенах, ярко-желтые кресла и светло-голубой ковер, помещение казалось холодным и безликим. В воздухе стоял какой-то резкий запах.

– С Тианом все хорошо.

Голос Риеки действовал на меня успокаивающе, но тревога не отступала до конца. Я перевела взгляд на окно: уже начало темнеть. Времени оставалось мало.

– Его осмотрел доктор Маррин. Ситуация вызывает опасения, но теперь мы сможем контролировать его состояние.

– А что именно не так?

– Прошло слишком мало времени, чтобы сказать точно. Сейчас состояние стабильно. Температура еще высокая, но не настолько, чтобы серьезно волноваться.

– Спасибо, – сказала я, а затем плотно сжала губы. – Спасибо за все, что ты для меня делаешь.

– Для этого и нужны лучшие друзья. Тиан побудет у нас, пока ему не станет лучше.

– Кайда никак не может смириться, что я уезжаю.

Риека поправила белоснежную медицинскую шапочку и поджала губы.

– А ты удивлена? Вы никогда не расставались дольше чем на день. Но она привыкнет.

И все-таки мне все еще казалось, что я оставляю ее одну. Будто вот-вот совершу огромную ошибку. Я оглянулась через плечо, внезапно почувствовав, будто за мной наблюдают. По спине пробежали мурашки, когда я заметила призрака – ту самую женщину, которую видела в зеркале несколько дней назад. Теперь, заметив ее у окна, я задрожала. На Риеку она смотрела молча, но, глядя на меня, тут же хваталась за горло и издавала нечеловеческий вопль.

– Риека, может выйдем? Здесь так душно.

– Конечно. Я не замечаю, уже привыкла. Конечно, если работать тут целыми днями. . .

Спасаясь от призрака, я выскочила в коридор, в котором в такой час не было уже ни души, и добежала до террасы. Куртка осталась в палате у Тиана, так что мне было очень холодно, но возвращаться в больницу все равно не хотелось – страшно было вновь встретить незваную гостью.

Риека дала мне шерстяное коричневое одеяло. Мы сидели рядом, на плетеных стульях, глядя в беззвездную ночь. Я зарылась пальцами в плотную ткань одеяла и рассказала Риеке о Кларе. Той самой, которую еще двадцать лет назад забрал к себе колдун, обещая жениться, и

которую больше никто не видел. Даже при тусклом свете я разглядела складки, появившиеся на лбу у Риеки.

– Никогда раньше не слышала о Кларе. Ты ведь знаешь Ханью, она уже сама запуталась во всех этих историях.

– Но откуда-то же они взялись. – Я выдохнула, и перед лицом у меня появилось облачко пара. – Я просто хочу знать, чего ожидать.

– Я понимаю, Лио, – повернулась ко мне Риека. – На твоём месте я бы уже с ума сошла. Издалека доносились крики – видимо, очередная ночная драка.

– Этот Дориан... Что-то с ним не то. Кожа синяя и этот рыбный запах...

– Наверное, перебрал с выпивкой и давно не мылся, – вдруг рассмеялась Риека.

– Ты не поняла, – покачала я головой. – Он выглядел просто безупречно. Сомневаюсь, что человек в таком костюме не может позволить себе принять ванну. Даже не знаю, что и сказать.

– Тебе страшно?

На этот вопрос я не могла ответить даже самой себе. Вспоминая о Дориане и обдумывая туманное будущее, я чувствовала что угодно, но только не страх. Скорее просто переживала, не зная, чего ожидать.

– Я никак не могу выкинуть из головы историю Клары. Что, если в ней есть доля правды? Если он на самом деле... – Я сглотнула. – Убил ее?

Риека, не вставая с кресла, пододвинулась поближе и под одеялом нащупала мою руку:

– Лиора, выход есть всегда. Даже если тебе кажется, что надеяться не на что. Ты пережила семь лет войны, теряла близких и каждый день сражаешься за жизнь, как львица. Я не знаю никого сильнее тебя.

– Я совсем не чувствую себя сильной.

– Если бы я оказалась на твоём месте, то точно бы не решилась.

– Надеюсь, ты понимаешь, что это полная ерунда, – глубоко вздохнула я. – Никакая сила меня не спасет, если я окажусь в замке у безумного колдуна, который зачарует меня и принесет в жертву во время какого-нибудь ритуала. – Я фыркнула, но раньше подобное уже случилось как раз с такими, как я.

– Ты упрямая. Настойчивая. Настолько, что иногда раздражаешь. Может, тебе удастся вывести колдуна из себя и он будет рад от тебя избавиться?

Я засмеялась – мысль Риеки мне понравилась.

– Вот что я тебе скажу. – Риека смотрела мне прямо в глаза. – Я знаю тебя всю жизнь и представить не могу, что ты можешь хоть с чем-нибудь не справиться.

– Даже если я окажусь на алтаре для жертвоприношений с содранной кожей в шаге от смерти?

– Даже тогда, – хихикнула Риека.

– Хотела бы я так же верить в себя, как в меня веришь ты.

Подруга сжала мое плечо и взяла меня за руку. Наверное, тогда мы думали об одном и том же – о том, что, возможно, видимся в последний раз.

Глава 7

Плющ и тьма

Три секунды. Ровно на это время мне удалось забыть о том, что меня ждет. Проснувшись, я сначала решила, будто сегодня самый обыкновенный день и я сейчас спущусь на первый этаж, чтобы одеться, и разбудю Кайду в школу. Однако внизу Кайды не было. Она спала наверху, в моих объятиях, теплая и мягкая, с приоткрытым ртом. Поднимаясь с постели, я постаралась не разбудить ее, понимая, что не выдержу второго прощания. На цыпочках пробежалась по комнате в поисках тапочек, надела их и побрела вниз по лестнице. На улице еще не рассвело, и я впервые нашла в темноте какое-то утешение. Раз темно, значит, новая жизнь еще не началась.

В комнате Тиана не было ни души, и мне не хотелось надолго здесь задерживаться. Я потянулась к собранному еще вчера чемодану – внутри было так много вещей, что он не до конца закрывался. Конечно, Дориан сказал, что в замке будет все, что нужно, но без чемодана я бы чувствовала себя совсем голой. И все же мне было стыдно за грязные старые лохмотья, которые уже не хотелось носить, но которые все еще оставались моей лучшей одеждой.

Я немного постояла у двери в спальню отца. Прижала ухо к темному дереву, но ничего не услышала. Вообще, я хотела поговорить с ним еще вчера, но вернулась из больницы слишком поздно. Да и отец не понял бы меня. Мы с Риекой достаточно близкие подруги, она выберет подходящий момент и сама расскажет обо всем отцу.

Я прошла на кухню, отрезала себе кусочек хлеба, купленного вчера, намазала его тонким слоем сливочного масла и налила воды. Руки дрожали. Я сделала глубокий вдох, закрыв глаза, а когда открыла их вновь, увидела перед собой призрак женщины. Гостья выглядела как обычно, но я все равно выронила хлеб от удивления.

– Что ты здесь делаешь? Почему ты постоянно ко мне приходишь?

Бесстрастное выражение ее лица наталкивало на мысль, что она меня не понимает. И все-таки она открыла рот, из которого вырвался поток ледяного воздуха.

– Тебе нельзя уезжать, – прошептала она. – Не смей к нему ехать!

По рукам пробежали мурашки. Я изо всех сил старалась убедить себя, что призрак лишь галлюцинация из-за недоедания и постоянной тревоги. Но моя собеседница никуда не исчезла даже тогда, когда я уже стояла в коридоре, натягивая пальто и тяжелые черные сапоги. Я выглянула в окно: рассветало. Ноги подкосились, и мне пришлось опереться о стену. Перед глазами

все расплылось, и я сползла на пол. Вот и все. Пришло время взглянуть в глаза судьбе. Мысленно отгоняя прочь страхи, я прошла по лестнице и открыла входную дверь.

Последняя искра надежды погасла, когда я увидела, что меня уже ждет роскошная карета, будто из ночного кошмара: черное дерево, четыре огромных колеса, темный цветочный орнамент и виноградные лозы. Перед каретой стояли, нетерпеливо переминаясь с копыта на копыто, два вороных жеребца. Их громкое ржание эхом отдавалось в тишине, а глаза в полумраке казались почти красными.

Я с трудом сглотнула и обхватила обеими руками чемодан, чтобы он не открылся. Только сейчас я наконец заметила высокого мужчину, который тут же соскочил с козел и изящно приземлился на землю. Дориан стряхнул пыль с черных брюк, поправил цилиндр и лишь затем подошел ко мне. Призрак женщины, который до этого момента стоял рядом, исчез. Дориан взял чемодан и проводил меня к карете.

Лошади снова заржали, когда я проходила мимо них. Никогда раньше я не видела таких крупных животных: массивная нижняя часть тела, густая спутанная грива. Они что, пробирались сюда через лес?

– Нужно торопиться.

Дориан открыл дверцу кареты. Я поднялась вверх по трем ступенькам и забралась внутрь, чувствуя, как сводит живот. Не успела я опомниться, как дверца захлопнулась.

Я вдруг заметила, что мне больше не холодно, и в лицо не дует ветер. Здесь, в карете, было тепло, почти по-домашнему уютно. И даже красиво! Экипажи, которые я видела раньше, были совсем другими: жесткая деревянная скамья, дверцы, пропускающие сквозняк, и никаких украшений внутри. Теперь я чувствовала себя принцессой. Если, конечно, на принцессе может быть рваное платье и плохо пахнущая куртка, которую она пару лет назад сняла с мертвеца.

Внутри карета была отделана красным бархатом: он покрывал две скамьи и пол. Стены были выкрашены в белый, потолок украшен лепниной. И хотя снаружи экипаж показался мне пугающим, внутри он был куда более гостеприимным.

На скамье рядом со мной лежали кипы каких-то газет и книг. Среди них я обнаружила экземпляр «Эпохи четвертого чародея» – той самой книги, которую запретили в Арвендоме. Она о войне глазами колдунов, то есть, если верить нашему королю, содержит исключительно ложную информацию. Я потянулась к томику, но сдержалась, вспомнив, как вчера вечером сожгла книгу о колдунах, которую принесла Ханья.

На скамье напротив на подносе стояли графин с водой и тарелка с выпуклой крышкой, под которой, судя по всему, была еда. Карета тронулась с места так резко, что я стала падать вперед и ударила головой о противоположную стену. Лошади бежали по каменистой почве. До меня доносился приглушенный голос Дориана, но я не могла разобрать слов.

С трудом я выпрямилась и села справа. Затем раздвинула красные занавески, прикрывающие окошко. Мы неслись сломя голову и в считанные минуты пересекли Криндон. Я выпрямила спину и облокотилась на красную подушку, пытаясь успокоить бешеное биение сердца.

– Дориан! – позвала я, высунув голову из окна.

Но он меня либо не слышал, либо вообще не хотел разговаривать, так что я вернулась на место, скинула куртку и взялась за книгу, которая привлекла мое внимание. В Криндоне читать ее я бы не осмелилась.

Чтение всегда давалось мне с трудом, так же как и письмо. Написанное очень медленно обретало для меня смысл. Каждый раз, когда колеса кареты подпрыгивали на очередном камне, я сбивалась и теряла место, на котором остановилась. Раздосадованная, я вернула книгу на место и постаралась сосредоточиться на дороге.

В темноте я видела не так много, но со временем смогла разглядеть очертания деревьев и кустарников. Я вытерла мокрые от пота руки о подюбник. Несмотря на то что карета посто-

янно набирала скорость, я ощущала себя в безопасности. Бархатную подушку, которая лежала на противоположном конце скамьи, подложила под спину. Солнце окончательно взошло, и, выглянув из окна на этот раз, я обнаружила, что едем мы через густой еловый лес, мимо болота и, наконец, пересекаем луга и поля. От постоянной смены обстановки у меня кружилась голова, но по-настоящему плохо стало, когда мы поехали в гору. Сначала мне показалось, что это совсем небольшой уклон, но вскоре мое тело внезапно вжалось в подушки. В гору мы продвигались медленно, в ушах эхом отдавалось фыркание лошадей. Раздался щелчок кнута, и лошади вдруг ненадолго ускорились, но затем снова сбавили шаг.

Я вновь выглянула в окно и тут же поняла, что совершила большую ошибку. Если раньше справа от меня высились ели, то теперь внизу открылась пропасть, которая казалась все глубже с каждым метром подъема. Карета ехала так близко к ущелью, что, сдвинься она на несколько сантиметров, мы полетели бы вниз. Карета опасно накренилась вправо, у меня вновь бешено забилось сердце, и я вскрикнула.

– Не бойся. – Я услышала голос, похожий на голос Дориана, только звучал он будто у меня в голове. – С тобой ничего не случится.

– Мы едем по самому краю.

Глубина была явно не меньше тридцати метров. Выжить, упав с такой высоты, невозможно.

– Неужели нет другого пути? – От страха мой голос стал на пару октав выше.

Карета снова накренилась вправо. Одна из лошадей заржала, меня прижало к окну, и я была уже готова упасть, но вдруг...

– Напротив тебя лежит тарелка с крышкой. Открой ее.

«Мы падаем!» – хотелось закричать мне. Мы были буквально в шаге от пропасти. И все же я приподняла белую крышку с узором из сусального золота на ручке. Под ним лежал один-единственный древесный листок с идеально четкими контурами – настолько, что казался ненастоящим.

– И что мне с ним делать? – спросила я скорее себя, чем Дориана.

– Съешь его, – ответил он.

Я чуть было не рассмеялась, но все-таки отправила лист в рот. На вкус он оказался горьковатым, похожим на траву, а на ощупь – неожиданно твердым. Я проглотила лист и почувствовала, как жжет горло. Словно марионетка во власти кукловода, я потянулась за графином и уже собиралась отпить из него, как перед глазами все поплыло, я откинулась назад и...

* * *

Я проснулась с чувством, будто проспала несколько лет. В теле ощущалась невероятная легкость, почти невесомость, а на губах играла улыбка, которая тут же исчезла, стоило мне встретиться взглядом с Дорианом. Он стоял на верхней ступеньке в дверях кареты, цилиндр съехал набок, на лице застыло недовольное выражение.

Я начала медленно приходить в себя. Оказывается, я спала на полу. Попыталась выпрямиться, но спину пронзила боль. Интересно, как долго Дориан смотрел на меня спящую? Он все так же стоял и молчал, когда я, смутившись, откашлялась.

– У нас привал? – спросила я.

Почему он стоит как истукан и пялится в одну точку, как будто меня здесь нет? Я хотела выйти, но даже разглядеть, что было за спиной у Дориана, оказалось не так-то просто: он закрывал большую часть дверного проема. Над ним я заметила крошечный клочок голубого неба и заключила, что время, должно быть, перевалило за полдень. Почему я вдруг уснула? И как долго спала?

«Плющ», – неожиданно мне в голову пришел ответ. Дориан спустился вниз, освободив проем. Почему он ведет себя так странно? Должна ли я идти за ним? Я с трудом выпрямилась, стараясь не удариться головой. Едва держась на ногах и пошатываясь, выбралась наружу.

Внезапно подул холодный ветер, и я вспомнила, что оставила в карете куртку. Правда, времени вернуться уже не было: Дориан положил руку мне на плечо и мягко развернул. Ему уже не нужно было мне ничего говорить: передо мной возвышался замок. Никогда раньше я не видела его вблизи и только сейчас поняла, какой он огромный. В нем могли бы без труда разместиться сотни человек.

Въехать или выехать из замка можно было по мосту. Мы с Дорианом прошли через каменные ворота и миновали крепостную стену для защиты от незваных гостей. За стеной не было ни души: никто не сидел на скамейках, не носил воду из колодца и не охранял темницу, глядя на узкие решетки которой я чувствовала тревогу.

Я слишком надолго застыла на месте, и Дориан схватил меня за руку. Его пальцы были мокрыми, а под ногами снова растеклась лужа. Я посмотрела на него снизу вверх и резко глубоко вдохнула, заметив, что его кожа окончательно посинела.

– Что... как... как ты себя чувствуешь? – пробормотала я, но Дориан не ответил, а только снова потянул за собой.

Стояла мертвая тишина. Не было слышно даже пения птиц на деревьях у крепостной стены. Единственный звук – наши шаги.

– Вон там – часовня, – сказал мой спутник.

Я проследила за его указательным пальцем и увидела каменный домик с куполообразной крышей, на вершине которой красовался крест.

– А там что? – спросила я, указав на башню, которая была выше остальных на добрую сотню метров. Даже запрокинув голову, я не смогла бы увидеть ее верхушку.

– Смотровая башня. Когда-то она нужна была, чтобы заметить врага, даже если он далеко. Но навещают нас нечасто. – Дориан издал какой-то странный звук. – Если хочешь, можем зайти.

Хотела ли я? Без понятия.

– Но сначала – главная башня. Там находится твоя комната.

Дориан достал из кармана пальто странный предмет, по виду напоминавший звезду, но с большим количеством зубцов. Он с силой прижал его к каменной стене, и по всему замку прокатился грохот. Я в ужасе отпрянула, но мой спутник жестом дал понять, что бояться не стоит.

– Смотри, – указал на стену Дориан; камни раздвинулись, образовав проход примерно метр высотой. – За мной.

Дориан протиснулся в щель. Я же в нерешительности стояла снаружи. Было страшно шагнуть во всепоглощающую тьму. В замке было так темно, что я не различала даже силуэтов.

– А у нас нет... другого пути? – спросила я, но снова не получила ответа.

Обернувшись в последний раз, я шагнула за Дорианом. Я напрасно ждала, что он зажжет свечу. Он уверенно лавировал в абсолютной темноте, пока я кое-как пыталась нащупать стены. Кажется, Дориану было абсолютно все равно, отстану ли я. Где я вообще? Может, стоило убежать, пока еще не было слишком поздно?

– Дориан! – крикнула я, когда перестала слышать его шаги. – Где ты?

Ответом мне был хриплый смех. Он что, со мной играет?

– Я ничего не вижу.

– Потому что не пытаешься.

Нет, потому что человеческий глаз в принципе не видит в полной темноте. Что ж, я продолжала идти, стиснув зубы и глядя прямо перед собой. Я зажмурилась изо всех сил, а

затем резко открыла глаза в надежде увидеть хоть что-нибудь, но и это не помогло... С моих губ сорвался пронзительный вскрик. Я прижала руку ко рту и в ужасе попятилась назад.

– Что такое? – тут же возник рядом Дориан. – Поранилась?

– Там... Там... – Я судорожно хватала ртом воздух, пытаюсь осмотреться в кромешной темноте. Привиделось? Как тот призрак женщины дома? – Красные глаза. – Стоило мне это сказать, как мне тут же показалось, что слова прозвучали по-детски. Может, это была всего-навсего летучая мышь...

– Пойдем дальше? – спросил Дориан, все еще стоя рядом.

Я нервно кивнула. И хотя вряд ли он это увидел, мы все-таки пошли дальше. По спине пробежали мурашки. Что это было? Или кто?

– Осторожно, ступенька, – внезапно сказал Дориан, и я вовремя подняла правую ногу, чтобы не споткнуться. – Здесь двадцать ступеней. Будешь считать – не упадешь.

Голос Дориана слышался как бы издалека, будто он заметно опережал меня. Неожиданно я различила в темноте его силуэт и странную звезду, которую он прижал к стене, чтобы открыть очередной проход. Вновь послышался грохот, который пробирал до мозга костей.

Дориан подождал, пока я подойду поближе, и пропустил меня вперед. Я протиснулась через узкий проход и оказалась в длинном коридоре, по обеим сторонам освещенном факелами.

Я выдохнула с облегчением. Казалось, что в замке совсем нет света, но коридор с красной ковровой дорожкой вселял мне чувство безопасности. На отделанных лепниной стенах висели пейзажи. Дориан поспешил вперед по коридору, оставляя мокрые следы на ковровом покрытии. Он что, сразу отведет меня к своему повелителю? Передаст, как подстреленную в Криндоне добычу?

Внезапно я остановилась, заметив слева массивный стеклянный ящик. Он стоял у занавешенного тяжелыми шторами окна и напоминал аквариум с золотой водой внутри. На водной глади играли золотистые блики, и я едва сдержалась, чтобы не запустить туда руку. Вдруг я заметила в воде фигурку размером примерно с мой большой палец. У фигурки были длинные светлые волосы и зеленый хвост.

Дориан положил руку мне на плечо, вырвав из размышлений:

– Пойдем покажу твою комнату, Лиора.

– Мою комнату? – все еще зачарованная увиденным, отозвалась я.

– А ты собираешься спать в коридоре?

В ответ я качала головой и последовала за Дорианом. На этот раз он не сводил с меня пристального взгляда.

– А кто в том аквариуме? Что за девушка? – спросила я, но, как всегда, не получила ответа. Интересно, повелитель так же немногословен?

Мы поднялись наверх по винтовой лестнице, которая вела в крошечный коридорчик с одним-единственным выходом. Каменная стена вновь раздвинулась, давая проход. Я ждала, что Дориан снова воспользуется ключом-звездой, но он всего-навсего повернул ручку.

– Добро пожаловать в каминную, – сказал он, пропуская меня вперед.

Комната оказалась не слишком просторной. У дальней стены широкая кровать, застеленная свежим бельем и темно-синим покрывалом. Справа – шкаф из цельного темного дерева. Круглый стол с вазой для цветов, в которую кто-то уже поставил одну розу, дополнял интерьер. В камине, встроенном в стену, мерцал огонь, согревая пространство. Интересно, кто его зажег?

Я повернулась к Дориану, ожидая, что тот что-нибудь скажет, но он молчал, так что я продолжила осматривать комнату. Сначала я подошла к кровати, затем открыла дверцы шкафа: на вешалках вплотную друг к другу висело бесчисленное множество платьев. Изысканные, явно дорогие ткани, элегантный крой ярчайших расцветок. Их могли себе позволить только богатые – у таких, как я, денег на подобные ткани не хватило бы. Я принялась с интересом

рассматривать платья и дотронулась пальцем до одного с расклешенной юбкой, украшенного цветами и золотой вышивкой по вороту.

– Это все мне?

Дориан кивнул, а затем встал напротив кровати – у стены, в которой была очередная дверь. Он жестом подозвал меня, и мы вошли в узкую комнатку, в центре которой стояла золотая ванна. В воздухе стоял пар, по ощущениям здесь было гораздо теплее, чем в каминной.

– Поездка выдалась не из легких. Не хочешь принять ванну?

Глава 8

Бегство и пожар

В окно упорно заглядывал полумесяц. Шторы оказались слишком тонкими, сквозь них проникал свет, и, сколько ни ворочалась, я так и не смогла уснуть. Возможно, еще и потому, что у меня никак не получалось расслабиться: мышцы были напряжены, в голове одна за другой проносились мысли, ни одну из которых не удалось ухватить. И хотя на полу у кровати я обнаружила сытный ужин – несколько тостов, два яблока, яйцо и даже булочку, – я едва к нему притронулась. Лежа на кровати в ночной рубашке, которая была явно мне велика, я вжалась в матрас и уставилась в беззвездную ночь. Огонь в камине уже догорел, и в комнате стало заметно холоднее.

Надеюсь, у Кайды все хорошо и она не чувствует себя одинокой. Первые ночи – я знала не понаслышке – самые тяжелые. Судя по всему, не только для сестры, но и для меня. Я вздохнула и повернулась на бок так, чтобы лежать спиной к окну. Я еще не привыкла к комнате, но почти запомнила, где что стоит. Где-то у меня за головой стоял огромный шкаф, напротив него – камин. Напротив меня – стол, а рядом с ним... Я нахмурилась, не понимая, что происходит. Я была почти уверена, что стул в комнате всего один. Но теперь увидела, как что-то прислонилось к противоположной стороне стола. Я села на кровати и прищурилась. Надела тапочки, которые раньше обнаружила в шкафу, и подошла к столу. Свечей я еще не нашла, так что полагаться приходилось только на привыкшие к темноте глаза.

Внезапно раздался звук, от которого по спине пробежали мурашки. Я запрокинула голову в поисках его источника. Над комнатой что, лестница? Звук напоминал топот маленьких ножек. Правда, прекратился он так же резко, как начался.

Я снова перевела взгляд на стол и тут же отпрянула, различив во мраке пару кроваво-красных глаз. Я их сразу узнала – уже видела их в подземных коридорах замка. Только на этот раз глаза были совсем близко. Я продолжила пятиться назад, пока не почувствовала, что уперлась в кровать. От страха у меня участилось дыхание, когда я заметила, как то, что я приняла за второй стул, начало двигаться. Тишину прорезал нечеловеческий рев, кроваво-красные глаза метались из стороны в сторону. Я плотнее вжалась в кровать, судорожно думая, что можно было бы использовать как оружие. Единственное, что пришло на ум, – ваза, стоявшая на столе.

– Уходи! – прокричала я. – Исчезни!

Послышался хрип, затем он перешел в хлюпанье, от которого в жилах стыла кровь. Глаза вдруг исчезли. Я несколько раз моргнула, не веря собственным глазам. Так и не решаясь двинуться с места, я стояла, напряженно вглядываясь в темноту.

Собрав волю в кулак и все еще держась за изголовье кровати, я обыскала комнату. Куда я только не заглядывала, ожидая вновь увидеть кроваво-красные глаза, – посмотрела даже под кроватью и в ванной.

Дрожа, я опустилась на колени перед камином и отправила в топку три полена из тех, что лежали рядом. Пришлось несколько раз ударить камнем о камень, чтобы высечь первые искры. От страха и холода у меня зуб на зуб не попадал. Снова и снова я пыталась высечь искры, но дерево будто не хотело загораться. Разочарованная, я вздохнула и вдруг снова услышала странный звук. На этот раз прямо из камина. И замерла, вслушиваясь в тишину. Снова раздался треск, на этот раз сопровождаемый кашлем.

Я отложила огниво в сторону и схватилась за кочергу, прислоненную к каменной стене. Осторожно протолкнула кочергу в дымоход, и в какой-то момент она уперлась в препятствие. Это было что-то почти мягкое на ощупь. Что это? Я хотела подвинуть препятствие, но оно не поддавалось. Я ткнула сильнее, затем еще трижды. И, услышав протяжный вой, поежилась. Кочергу вырвали у меня из рук – она в мгновение ока исчезла в дымоходе. Раздался грохот, в лицо мне полетел пепел, я закашлялась, и в этот момент что-то с громким шлепком приземлилось прямо в топку.

Хотя в глубине души я и надеялась, что это какой-то предмет, моим надеждам не суждено было сбыться. Предмет начал двигаться. Непонятное существо, все в пепле и саже, стояло согнувшись, почти сгорбившись. Затем вдруг отряхнулось, разбрасывая сажу во все стороны, – я едва успевала уворачиваться. Когда все кончилось и я снова посмотрела на камин, то заметила, что было скрыто под слоем сажи: длинные черные волосы, борода почти до колен. В волосах запутались какие-то насекомые, при взгляде на которые мне стало не по себе. Руки у существа были тонкие, гораздо тоньше моих, лоб – высокий и морщинистый. От страха у меня бешено забило сердце. Я столкнулась лицом к лицу с волшебным созданием, которое внимательно рассматривало меня своими желтыми глазами так долго, что я окончательно потеряла счет времени. Затем оно внезапно подскочило и ударило меня одной из своих лап прямо по лицу. Когти больно царапнули, я почувствовала вкус собственной крови, стекавшей по лицу, и окончательно осознала, что я в опасности. Я ударила монстра кулаком в грудь и увидела, как он летит к дымоходу, а затем врезается в камни. Неужели я его убила?

Плевать. Нужно выбираться отсюда и побыстрее. Я читала о таких существах. Те, кто владеет магией, держат их в качестве пленников и помощников. С людьми они ведут себя кровожадно и совершенно безжалостно.

По моему лицу струился пот, когда я, едва держась на ногах, вышла из каминной. Я бежала вниз по лестнице, проскакивая через две ступеньки, мимо странного аквариума, пока не добралась до коридора. В отчаянии я пыталась найти дверь, но вспомнила, что она появилась только благодаря ключу Дориана. Но должен же быть какой-то выход из замка! Хоть где-нибудь...

Мои размышления прервал громкий вой. Он звучал настолько пронзительно, что я закрыла руками уши. С ходу было не разобрать, где источник воя. Я бежала по коридору, оставиваясь и хватаясь за ручку каждой двери на пути, но все они были заперты. В конце коридора я заметила лестницу, которая вела вниз, – может быть, там комнаты для прислуги? Если здесь вообще таковая имеется. Вообще, обычно в замках есть отдельные выходы для простого народа.

Чтобы освещать себе путь, я схватила один из факелов, закрепленных по обеим сторонам коридора. В воздухе стоял какой-то затхлый запах. К одной из стен крепились полка с садовым

инвентарем: цветочными горшками, разными граблями и ржавыми садовыми ножницами. Там же стоял бюст какого-то мужчины, который сердито на меня смотрел.

Я глубоко вздохнула и пошла дальше, надеясь, что дверь в конце коридора не заперта. В конце концов, должен же быть хоть какой-то способ выбраться из чертового замка! Я дернула ручку – ничего. Разочарованная, я повернулась к двери спиной, собираясь подняться по лестнице, но вдруг почувствовала, как что-то коснулось плеча. Прикосновение было нежным, будто взмах крыльев бабочки, но внутри у меня все сжалось от страха.

Я медленно обернулась, держа в руке факел. Пламя осветило лицо с огромными глазами и длинные светлые волосы. Существо было выше меня сантиметров на тридцать, и, когда оно вышло из темноты, я увидела два изогнутых рога со светящимися кончиками у него на голове. Я закричала, факел выпал у меня из рук. В ужасе подбежала к двери, ожидая, что она будет закрыта, как и остальные. Дверь поддалась, и на глазах у меня выступили слезы облегчения. Я дважды повернула ручку, надеясь, что таинственное существо не сможет последовать за мной.

Что это за проклятый замок? Слезы застилали глаза, когда я второй раз шла по коридору. На этот раз повернула налево. Я шла мимо десятков одинаковых дверей, ни одна из которых не была похожа на ведущую наружу. *Я заперта в замке с привидениями.* Меня охватила паника. Последний раз мне было так же страшно, когда умерла мама. Ноги больше не слушались, и я упала.

«Вставай! – кричали мне остатки воли к жизни. – Останешься лежать – тебе конец». Из последних сил я подтянулась к оконной раме... *Оконная рама!* Произнося про себя слова молитвы, я взялась за ручку. Окно открылось. Лицо обдало ледяным воздухом. Раз двери нет, значит, я найду другой путь. Впервые я обрадовалась, что мне долгое время приходилось голодать. Теперь я была больше похожа на ходячий скелет и легко протиснулась через небольшую щель. А затем мягко приземлилась на мощенную камнем дорожку. Получилось!

Окрыленная чувством эйфории, я мчалась по двору, чувствуя, как с каждым метром ко мне возвращаются силы. *Я вам не достанусь!* Я побежала к воротам, молясь, чтобы мост не подняли. Правда, даже если мост на месте, дорогу домой мне не найти. Я ехала в карете несколько часов, и перспектива преодолеть тот же путь пешком меня не радовала.

Кроме того, обувь осталась в комнате, а ночная рубашка – единственный оставшийся на мне предмет одежды – доходила мне только до колен. К тому же сейчас ночь, и я могу замерзнуть. Вероятность, что в таком виде я доберусь домой целой и невредимой, равна нулю. Погрузившись в раздумья, я не заметила, в какой именно момент раздались топот копыт и лошадиное ржание. Испугавшись, я огляделась. Дориан снова поехал в город? Я пошла дальше по двору, прошла мимо часовни и увидела, что мост не поднимали. *Есть шанс выбраться!*

Топот копыт звучал все ближе и ближе. Я укрылась за фонтаном неподалеку от часовни. Из укрытия увидела, как белая лошадь скачет по мосту. Всадник остановил ее совсем близко от меня. Кто бы ни сидел верхом, это был не Дориан. Всадник казался гораздо ниже. Лицо было скрыто шлемом. Он выпрыгнул из седла и начал оглядываться по сторонам, в поисках того, чем можно было бы привязать лошадь. Одет он был полностью в черное: узкие брюки, полуботинки, зимнее пальто, которое показалось мне смутно знакомым. Я склонила голову набок. В этот момент всадник повернулся ко мне лицом.

Я была почти уверена, что у меня галлюцинации. Что все это из-за переживаний, голода и недосыпа. Но когда всадник подошел ближе, я поняла, что это не человек. *Не какой-то*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.